

II.

Отзывъ о трудѣ протоіеря М. ЛИСИЦЫНА:

„Первоначальный славяно-русскій типиконъ. Историко-археологическое изслѣдованіе. Съ приложеніемъ 45 фототипическихъ снимковъ“, СПб. 1911,

составленный профессоромъ И. А. Карабиновымъ.

Содержаніе книги о. Лисицына значительно уже ея заглавія: она посвящена почти исключительно исторіи богослужебнаго устава въ Русской церкви и только мимоходомъ (стр. 8 и 13) касается судьбы его у южныхъ славянъ. Задачами своего изслѣдованія авторъ ставитъ: (I) твердо установить въ наукѣ, что богослуженіе Русской Церкви, съ самаго начала принятія христіанства русскимъ народомъ, являлось прямымъ отображеніемъ современнаго ему богослуженія Византійской церкви, и что въ нашей богослужебной практикѣ дѣйствовалъ Уставъ Великой Церкви не только въ періодъ до появленія у насъ монашескаго Типикона константинопольскаго патріарха Алексѣя, но и послѣ этого времени, почти до XVII в.; (II) убѣдительно доказать, что рядомъ съ Типикономъ Великой Церкви сначала въ богослуженіи нашихъ монастырей, а впослѣдствіи и приходскихъ церквей до XIV в. дѣйствовалъ другой уставъ, но не Студійскій, какъ его называли наши ученые историки и литургисты, а ктиторской Типиконъ патріарха константинопольскаго Алексѣя, данный имъ своему Богородичному Успенскому монастырю, и что всѣ древ-

нѣйшіе Типиконы этой редакціи, доселѣ извѣстные въ наукѣ, — одного корня». По признацію автора, обѣ эти мысли высказаны были уже проф. А. А. Дмитриевскимъ, собственная же работа о. Лисицына должна лишь всесторонне и документально обосновать ихъ (стр. VII—VIII). Соотвѣтственно указаннымъ задачамъ книга о. Лисицына состоитъ изъ двухъ частей съ заглавіями: «Уставъ Великой Церкви (1—160)» и «Ктиторской уставъ Алексѣя, патріарха Константинопольскаго (161—355)». Первое положеніе раскрывается авторомъ въ двухъ главахъ. Первая изъ нихъ даетъ «Краткій очеркъ образованія Устава Великой Церкви» и изображаетъ «судьбу его на Востокѣ и у насъ въ Россіи (4—33)». Согласно съ проф. А. А. Дмитриевскимъ авторъ полагаетъ, что данный Уставъ созданъ былъ Константинопольскою Великою Церковью на основаніи богослужебныхъ обычаевъ (чинъ «пѣсеннаго послѣдованія», литаніи, начало пасхальной утрени, окончаніе оглашенія въ великую пятницу готовившихся ко крещенію, 4—6), перешедшихъ въ нее изъ церкви Иерусалимской. Разработанный и осложненный въ Константинополѣ Уставъ Великой Церкви распространился во всѣхъ церквахъ, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху «отъ Великой Греціи до крайнихъ предѣловъ православной Церкви на Востокѣ (8)». Взятіе Константинополя крестоносцами въ 1204 г. повлекло за собою упадокъ Устава Великой Церкви и проложило путь къ замѣнѣ его болѣе простымъ Иерусалимскимъ монастырскимъ уставомъ (9). Распространеніе и утвержденіе христіанства на Руси по времени совпадаетъ съ періодомъ полнаго расцвѣта Устава Великой Церкви (12), и такъ какъ для насъ источниками христіанства и христіанскаго просвѣщенія были мѣстности, входившія въ составъ Константинопольскаго патріархата (Крымъ, Болгарія), и самъ Константинополь, то въ Русской церкви долженъ былъ быть введенъ Уставъ Великой Церкви (13—15). Въ противобѣсъ проф. Е. Е. Голубинскому, сомнѣвающемуся въ употребленіи даннаго устава въ древней христіанской Руси изъ-за трудности для нея имѣть нужные для этого хоры пѣвчихъ, о. Ли-

сицынъ приводитъ историческія свидѣтельства, говоряція о существованіи у насъ тогда такихъ пѣвцовъ, и указываетъ на древнія богослужебныя рукописи съ нотными греческаго происхожденія знаками, несомнѣнно, предназначавшіяся для употребленія въ жизни. Татарское нашествіе, по мнѣнію автора, повлекло за собою упадокъ на Руси Устава Великой Церкви, но отдѣльные его обычаи употреблялись по мѣстамъ здѣсь еще и въ XVIII в. — Во второй главѣ (33—160) о. Лисицынъ приводитъ факты, подтверждающіе дѣйствительное существованіе въ древней Русской церкви Устава Великой Церкви, именно, употреблявшіеся у насъ ея: 1) обычаи [сидѣніе священнослужителей на прокимнахъ утрени и вечерни, чтеніе литургійнаго евангелія на Пасхѣ попеременно старшимъ священнослужителемъ и діакономъ, совершеніе діакономъ проскомидіи, служеніе преждеосвященной литургіи въ сырныя среду и пятокъ, во всѣ дни 40-цы и въ великую пятницу, 35—77], 2) чинопослѣдованія [такъ называемаго «пѣсеннаго послѣдованія», омовенія св. трапезы въ великій четвертокъ, различныхъ литій, 77—114] и, наконецъ, 3) два отрывка рукописей такого устава, — одинъ — Хлудовской библиотеки (№ 16), изданный ея описателемъ г. Поповымъ (для 1—14 сентября), другой — найденный самимъ авторомъ въ Погодинскомъ собраніи (№ 48) и содержащій уставъ Страстной седмицы (114—154). Въ заключеніе о. Лисицынъ указываетъ еще нѣсколько чиновъ, употреблявшихся въ древне-русской церкви, которые можно съ большою вѣроятностью приписать Великой Церкви (крещенія оглашенныхъ въ великую субботу, елеосвященія въ великій четвертокъ или субботу въ храмѣ надъ всѣми молящимися, хожденія на осяти въ недѣлю Ваий, пещнаго дѣйства, православія въ первую недѣлю поста, 150—160).

Вторая часть работы о. Лисицына состоитъ изъ 4-хъ главъ. Въ первой изъ нихъ (163—209) авторъ путемъ сопоставленія устава патріарха Алексія съ житіемъ преп. Θεοδοсія и на основаніи сходства указываемыхъ въ немъ пѣснопѣній съ составомъ древне-русскихъ миней доказываетъ, что этотъ, именно, уставъ

введенъ былъ св. Θεοδοсіемъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ подъ именемъ Студійскаго, и что онъ же употреблялся въ нашей церкви въ XI—XIV вв. Въ заключеніе этой главы (198—209) авторъ дѣлаетъ обзоръ всѣхъ сохранившихся списковъ устава патріарха Алексія и находитъ, что всѣ они — одной семьи. Въ остальныхъ трехъ главахъ (209—355) авторъ старается доказать, что Алексіевъ уставъ на самомъ дѣлѣ не Студійскій, а ктиторской: съ этой цѣлью о. Лисицынъ обслѣдуетъ находящіеся въ немъ обычаи Великой Церкви (209—235), внесенные туда, по мнѣнію автора, составителемъ устава, указываетъ на разногласія между нимъ и древнимъ «Начертаніемъ» (Ἐπιτομή) устава Студійской обители» (235—261), а также другими извѣстіями о студійскихъ обычаяхъ (274—277), отмѣчаетъ случаи пользованія патріархомъ Алексіемъ другими уставами (262) и слѣдованія его иной, не-студійской, практикѣ (268—274, 277—279) и показываетъ сходство Алексіева устава, какъ ктиторскаго, съ другими подобными уставами, особенно же съ Евергетидскимъ, а изъ славянскихъ — съ Дечанскимъ и Хиландарскимъ (263—268, 281—355).

Изслѣдованіе о. Лисицына дополняется отдѣльною тетрадю приложеній, содержащей 44 страницы частію фототипическихъ, частію литографскихъ (25—39) снимковъ съ нѣкоторыхъ использованныхъ имъ литургическихъ рукописныхъ памятниковъ и, между прочимъ, — полные тексты упомянутыхъ выше славянскихъ отрывковъ Устава Великой Церкви (10—40).

Обращаясь къ оцѣнкѣ труда о. Лисицына, слѣдуетъ отмѣтить количественное богатство использованнаго въ немъ рукописнаго, въ значительной мѣрѣ неизвѣстнаго еще матеріала: въ предисловіи (VIII—XII) авторъ помѣщаетъ списокъ 75 обслѣдованныхъ имъ лично рукописей библиотекъ — Императорской Публичной, С.-Петербургской Духовной Академіи, Московскихъ — Синодальной, Типографской и Хлудовской. Въ изслѣдованіи авторъ цитуетъ даже бѣльшее количество рукописей. Обработка этого матеріала, особенно сравненіе памятниковъ устава, потребовала

отъ автора много мелкаго и кропотливаго труда. Но при всемъ этомъ задачи труда о. Лисицына едва ли можно признать вполне имъ достигнутыми: вполне доказано авторомъ лишь тожество Алексіева устава съ уставомъ, введеннымъ преп. Θεοδοσιємъ, и фактъ употребленія его на Руси въ теченіе XI—XIV вв.; положеніе — о существованіи въ древне-русской церкви Устава Великой Церкви обосновано имъ далеко не твердо, мнѣніе же, что Алексіевъ уставъ не есть Студійскій, думается, слѣдуетъ назвать прямо невѣрнымъ.

Основной недостатокъ, проходящій черезъ всю книгу о. Лисицына, это — не совсѣмъ ясное различеніе второстепенныхъ и существенныхъ сторонъ вообще церковнаго устава, а отсюда — и не достаточно твердое пониманіе отличій обслѣдуемыхъ имъ уставовъ. Въ ктиторскихъ уставахъ авторъ различаетъ «три главныхъ элемента: 1) *общепринятый порядокъ* богослуженія, 2) *мѣстныя особенности*, придающія каждому уставу особый колоритъ, и, наконецъ, заимствованія, сдѣланныя изъ различныхъ уставовъ (208—209, 283)». Такую же почти мѣрку о. Лисицынъ прилагаетъ ко всякому вообще уставу и вслѣдствіе этого впадаетъ въ ошибки, потому что она приложима вполне лишь къ уставамъ одной семьи, или одной церкви, и мало приложима къ уставамъ различныхъ церквей: послѣднія «общепринятаго», какъ это понимаетъ о. Лисицынъ (а онъ распространяетъ его и на многія видовыя частности, напримѣръ, на чины службъ суточного круга), порядка могутъ и не имѣть. Такого рода ошибка обнаруживается уже въ первомъ сужденіи автора (правда, взятомъ имъ у проф. А. А. Дмитріевскаго) о происхожденіи Устава Великой Церкви изъ устава іерусалимскаго храма Воскресенія. Наиболѣе существенными сторонами въ каждомъ уставѣ являются — мѣсяцесловъ и богослужебный календарь вообще, часословъ, т. е. чины службъ суточного круга, система богослужебныхъ чтеній изъ Св. Писанія, употребленіе псалтири, особенности богослуженія великихъ праздниковъ и отчасти пѣнопѣнія. Если сравнить по этимъ пунктамъ Уставъ Константино-

польской Великой Церкви въ его древнѣйшемъ, патмосскомъ, спискѣ¹⁾ съ іерусалимскимъ уставомъ, то между ними окажется громадная разница. Бóльшая часть упоминаемыхъ тамъ святыхъ принадлежитъ Малой Азии и Балканскому полуострову: палестинскихъ и іерусалимскихъ памятней тамъ немного. Чины службъ суточного круга Великой Церкви Константинопольской, изложенные у Симеона Солунскаго²⁾ подъ именемъ «чиновъ пѣсеннаго послѣдованія», существенно отличаются отъ іерусалимскихъ чиновъ. Разницу въ этомъ отношеніи между Іерусалимомъ и Константинополемъ отмѣчаетъ отчасти еще Сократъ: «въ Эладѣ, пишетъ онъ, Іерусалимѣ и Θεσσαλίи молитвы вечерни (*τὰς ἐν ταῖς λυχναιαῖς εὐχάς*) творятся подобнымъ образомъ, какъ и у константинопольскихъ новатіанъ... Живущіе же въ Геллеспонтѣ новатіане творятъ молитвы не во всемъ сходно съ константинопольскими новатіанами, но подобно весьма во многомъ господствующей церкви³⁾». О. Лисицынъ разницу константинопольскихъ и іерусалимскихъ чиновъ суточныхъ службъ сознаетъ, повидимому, не твердо, когда говоритъ объ употребленіи на «пѣсенной», константинопольской, утрени шестопсалмія и полелея (78), которыхъ тамъ въ чистой формѣ названной службы не было. Вслѣдъ за г. Діаковскимъ авторъ совершенно неправильно рядовую константинопольскую великопостную службу 3-го и 6-го часовъ (*Τριθέκτι*) считаетъ за какую-то особенную службу, первоначально предназначавшуюся, будто бы, для оглашенныхъ и кающихся (64). Если бы о. Лисицынъ обратилъ вниманіе на 18-ое правило Лаодикійскаго собора, предписывающее «въ 9-ый часъ и на вечернѣ всегда совершать тѣ же самыя молитвы», ему стало бы понятнымъ отсутствіе въ Константинополѣ особой службы 9-го часа. Четвертую суточную рядовую службу Великой Церкви, панихиду, вѣроятно, соответствующую

1) А. Дмитріевскій, Описаніе литургическихъ рукописей, I, 1895, стр. 1—152.

2) Migne, gr. 155, col. 628.

3) Histor. eccles., V, 22.

іерусалимскому повечерію, о. Лисицынъ тоже представляетъ какимъ-то чрезвычайнымъ послѣдованіемъ (90 и 119). Великопостными парміями изъ книги Бытія Уставъ Великой Церкви больше примыкаетъ къ обычаямъ Антиохійской церкви; съ другой стороны, іерусалимскія литургійныя евангелія недѣль 40-цы были инья¹⁾, чѣмъ въ Константинополѣ. Въ противоположность іерусалимской псалтири съ ея 20-ю каөизмами²⁾ псалтирь по Уставу Великой Церкви Константинопольской раздѣлялась на 74 антифона, исполнявшіеся съ характерными и особенными припѣвами³⁾ и сопровождавшіеся спеціальными молитвами⁴⁾. Уставъ ея стихословія въ Константинополѣ на службахъ суточного круга, конечно, также отличается отъ іерусалимскаго⁵⁾. Службы великихъ праздниковъ въ названной патмоской рукописи отличаются большою простотою своего построения и состава: іерусалимскихъ службъ Страстной седмицы — «послѣдованія Свв. Страстей» и дневной службы великаго пятка (позднѣйшихъ часовъ) въ ней нѣтъ. Изъ пѣснопѣній въ ней приводятся почти одни лишь тропари и поминается употребленіе акаѳиста. Если ко всему этому прибавить еще и чины константинопольской литургии, усвояемые архіепископамъ — Кесаріи каппадокійской Василию Великому и константинопольскому, но изъ пресвитеровъ Антиохійской церкви, Иоанну Златоусту, то правильнѣе искать корней Устава Великой Церкви не въ Іерусалимѣ, а въ Малой Азіи и Антиохіи. Вліяніе Іерусалима на эту основу Устава Великой Церкви, разработанную и расширенную въ Константинополѣ, проявилось сравнительно поздно. Въ патмоскомъ спискѣ константинопольскаго устава изъ іерусалимскихъ обычаевъ мы находимъ лишь пѣніе «Богъ Господь» и экзапостиларія на утрени Рожде-

1) И. Карабиновъ. Постная тріодь, 1910, 25.

2) См. греч. псалтирь 862 г. изъ собр. преосв. Порфирія.—И. Мансветовъ. Церковный уставъ, 1885, стр. 3.

3) Pitra, Monum. Jur. eccles. Graec., II, 209.

4) А. Дмитриевскій, Описание, II, 993, см. приписку къ Коаленевскому евхологію № 213 — 1027 г.

5) Онъ же, Описание, I, стр. 105 и 136.

ства Христова. Въ слѣдующемъ по времени спискѣ Устава Великой Церкви, написанномъ по повелѣнію Константина Порфиророднаго и хранящемся въ Святогробской библіотекѣ (бывш. библи. монастыря Св. Креста № 40), іерусалимское вліяніе сильнѣе: въ немъ, на примѣръ, есть уже чтеніе 12 евангелій въ великій пятокъ. Третій списокъ, Дрезденскій (№ 140), на которомъ главнымъ образомъ о. Лисицынъ вслѣдъ за проф. А. А. Дмитриевскимъ основываетъ свое утвержденіе о Святогробскомъ уставѣ, какъ источникѣ Устава Великой Церкви Константинопольской, дѣйствительно уже изобилуетъ различными іерусалимскими особенностями, но зато онъ и самый поздній — XI в. Перенимая іерусалимскіе обычаи, Уставъ Великой Церкви, въ свою очередь, самъ оказывалъ вліяніе на Святогробскій уставъ, что ясно сказывается въ найденномъ А. А. Дмитриевскимъ «Послѣдованіи Страстной и Пасхальной седмицъ въ Іерусалимѣ» 1122 г.¹⁾: въ немъ оказываются заимствованными константинопольскія богослужебныя чтенія изъ Св. Писанія, пѣснопѣнія, цѣлыя службы (триоекти и паннихида) и проч. О. Лисицынъ совершенно ошибочно считаетъ нѣкоторыя изъ такихъ заимствованій (напримѣръ, названныя службы, 4) обратными.

Опредѣляя недостаточно правильно источники и происхождение Устава Великой Церкви, о. Лисицынъ несовѣмъ вѣрно освѣщаетъ и дальнѣйшую судьбу его въ Константинополѣ: онъ повторяетъ сужденіе Симеона Солунскаго о взятіи Царьграда крестоносцами въ 1204 г., какъ о причинѣ, повлекшей за собой упадокъ тамъ названнаго устава. Кромѣ этой внѣшней причины, автору слѣдовало бы обратить вниманіе и на вышеуказанное постепенное просачиваніе, начиная съ IX в., въ Уставъ Великой Церкви іерусалимскихъ обычаевъ. Показателемъ этого просачиванія служить также сильное пѣснотворческое движеніе, начавшееся въ Константинополѣ со второй половины VIII в. и бывшее продолженіемъ такого же палестинскаго движенія VII—VIII вв.

1) А. Дмитриевскій, Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ въ Іерусалимѣ, 1894.

Среди византійскихъ пѣснописцевъ даннаго времени, составлявшихъ пѣснопѣнія въ формахъ палестинскихъ (каноны, стихирь), фигурируютъ не только державшіеся іерусалимскаго богослужебнаго устава монахи, но и лица изъ блага духовенства и даже сами императоры. Быть можетъ, не столько катастрофа 1204 г., сколько это мирное просачиваніе іерусалимскихъ обычаевъ съ теченіемъ времени постепенно повело къ замѣнѣ Устава Великой Церкви іерусалимскимъ и въ самой Софіи константинопольской.

Переходя къ Уставу Великой Церкви у славянъ, о. Лисицынъ употребленіе его у южныхъ славянъ предполагаетъ лишь на основаніи зависимости болгарской церкви отъ Константинопольскаго патріархата, а также на нѣкоторыхъ признакахъ этого устава въ двухъ болгарскихъ (тріоди И. П. Б. — Ф. п. I. №№ 74 и 102, Шафар. и Орбельск.) и одной сербской (уставъ той же библ. Ф. п. I, № 93) рукописяхъ. Авторъ не обратилъ вниманія на обширный кругъ южно-славянскихъ богослужебныхъ рукописей, имѣющихъ весьма близкое родство съ уставомъ и содержащихъ множество часто обширныхъ статей изъ Устава Великой Церкви; это — париміи, апостолы и евангелія. Особенно интересны апостолы. Въ Охридскомъ, напримѣръ, апостолѣ¹⁾ записанъ мѣсяцесловъ, переведенный въ сокращеніи съ текста Устава Великой Церкви, близкаго къ упоминавшейся выше патмоской его рукописи; въ мѣсяцесловахъ, затѣмъ, помѣщены полные уставы службъ на великіе праздники, иногда съ особенностями, не встрѣчающимися даже въ греческихъ памятникахъ (напримѣръ, о службѣ литургіи въ Благовѣщеніе²⁾). Въ париміиныхъ записанъ полные уставы службъ навечерій праздниковъ Рождества, Богоявленія (во второмъ случаѣ даже уставъ великаго водоосвященія для патріарха) и великой субботы (съ чиномъ крещенія оглашенныхъ) и проч.³⁾ Привлеченіе этихъ данныхъ позволило бы о. Лисицыну не только съ ббльшей

1) С. Кульбакинъ, Охридская рукопись апостола конца XII в. 1907.

2) Тамъ же, 127. Ср. Слѣпченскій апост. (И. П. Б.), л. 125.

3) Р. Брандтъ, Григоровичевъ париміи. I—II. 1894, 44—50.

смѣлостью говорить объ Уставѣ Великой Церкви у южныхъ славянъ, но даже и довольно подробно выяснить, въ какомъ видѣ, чистомъ или уже измѣненномъ іерусалимскими обычаями, перешелъ названный уставъ къ славянамъ.

Выше было уже сказано, что доказательства о. Лисицына въ пользу употребленія Устава Великой Церкви въ древне-русской церкви не достаточно тверды. Самое сильное доказательство у него — древне-русскіе списки названнаго устава. Но ни тотъ, ни другой изъ указываемыхъ о. Лисицынымъ отрывковъ нельзя признать въ ихъ полномъ видѣ за Уставъ Великой Церкви: оба они по своему тексту представляютъ нѣсколько передѣланный, частію сокращенный, частію дополненный, уставъ патріарха Алексія съ двумя лишь вставками изъ Устава Великой Церкви, — о перенесеніи св. Древа въ Софію наканунѣ Воздвиженія въ первомъ отрывкѣ (116) и объ умовеніи ногъ въ великій четвертокъ во второмъ (139). Особенно близко стоитъ Хлудовскій уставъ № 16 къ русскимъ, вѣроятно, передѣлкамъ Алексіева устава: въ значительной своей части онъ почти совпадаетъ съ уставомъ Московской Синодальной Библіотеки № 333. Вотъ, напримѣръ, уставъ богослуженія на Рождество Богородицы по Алексіеву уставу (Соф. № 1136) и Хлудовской рукописи № 16 съ важнѣйшими вариантами къ послѣднему изъ Синодальнаго устава № 333.

Софійскій № 1136.

Мѣца тогѣ вѣ. ѿ. рождество
прѣстѣна владычица наша
вѣца. вѣ. поѣ. вѣжнѣ моу. на
гѣ вѣзвахъ. оуставлають
стѣнѣ. ѿ. и поють гѣ. стѣра.
самогѣ. подвончи. гѣ. ѿ.
днѣсь на разоумныхъ прѣ. съ

Хлудовскій № 16.

ѿ. жтѣво (sic¹⁾ прѣна вѣца.
на вѣчѣ. вѣжнѣ моу². на гѣ
вѣ. оуставлають. стѣ. ѿ. и
поють. гѣ. стѣры. подвонш. гѣ.
ѿ. днѣсь иже на разоу. снѣ днѣ
гѣ. аще и вѣжнѣмъ вѣлѣни. на
слѣ. и на и нѣ. ѿ. ю. ~ и по-

1 вѣца наша вѣца прѣна. 2 на вѣчѣ — моу — оуш.

дѣнь гнѣ. възрадоуитеса
люднѣ. аще и вжествною волюю.
слѣ. и нѣ. пѣр. посемь вхѣ.
и прѣ. днѣвнѣш. чѣкѣ гѣ... на
стихѣ самогла. дѣ. гла. все-
мирна радость. ина. неплоды
вещадна анна. ина. гла. сѣ.
Днѣсь неплодна врата шквр-
заютса. слѣ. и нѣ. гла. бѣ.
пѣ дом ефрантовъ. трѣ. гла.
а рождество... на оутрѣни по-
кетаса. бѣ. ка. (слѣдуетъ ого-
ворка о двухъ каонизмахъ съ
14 сент.).

...покета же са по пѣ. двою
ка. сѣанѣ праздникоу. чѣкѣ же
слово. андрѣа. кѣмоу начѣ. на-
чало оубо намъ праздникоу
настоящнѣ. по чтеннѣ же сте-
пеньна гла. дѣ. аще ли въ нѣ.
праздникъ настанетъ, сте-
пеньна не поютса того гла.
прѣ. поману намъ твоѣ. стѣ.
слыши дѣщи. еуа. ш. лоу.
вѣставъши мар. по немъ же
прѣ. въ поцѣхъ въ... посѣ.
шаламъ. и. и посемь покетаса.
бѣ. канѣ. кѣднѣ гла. бѣ. творе-
ннѣ. ш. поютъ же ирмосы
първоѣ пѣ. и. гѣ. и. дѣ. и. сѣ. по

семь вхѣ на сѣ. тѣ. прѣ.
днѣвнѣ. чтеннѣ. а. е ш вѣгнѣ...
на стѣ. самогл³. гла. дѣ. все-
мирная радость. ина. неплоды
вещ. ина. гла. гѣ. днѣ неплод-
ная вр. на⁴ слѣ. и нѣ. гла. бѣ.
пѣ⁵. доме ефрант (друг. рук.
надъ строкой. Мировн оупо-
ваннѣ). трѣ. гла. а. рждѣ твоѣ
вѣще радост. тѣ. трѣ. на вѣ гѣ.
и на конецъ оутрѣна: ~

На оутрѣ. по псалтырн.
(сѣ. ка. — надъ строк.)⁶ по-
кетаса. ка. два. кѣднѣ. гла. бѣ.
твореннѣ иваново. а дроу.
гла. и. твореннѣ. андрѣево.
и⁷ по. сѣ. пѣ. сѣ. праздни⁸.
а⁹ по. сѣ. кѣ¹⁰. и нѣ. та¹¹.
прѣ. поману намъ те. стѣ.
слыши дѣщи и вж. та. всако
дѣ. еуа. ш лоу. вѣставъши
мирна¹². посемь¹³. и. палъ гѣ.
(внизу на полѣ: чтѣннѣша не
поетса:~) а по. дѣ. пѣ. сѣ. к.
стѣ гѣ. на хвалн. стр. гѣ¹⁴.
гла. а. ш днѣвноѣ чѣ. подвош¹⁵.
на сл. и нѣ. а. ю:~

кѣдн¹⁰ю. а стѣве по двончн.
петоѣ же пѣ. и. сѣ. и. и осмоѣ.
и. дѣ. ирмосн под¹⁰ончн. а дроу.
ка. гла. и. твореннѣ андрѣа.
поютса стнѣи кѣ и кр¹⁰осн.
по кѣдною. оуставаютъ же
стнѣ. по пѣ. и по гѣ. пѣ. сѣ.
праздникоу. а по сѣ. кѣ. гла.
дѣ. иваннѣ и анна. сѣ. стѣ
гѣ вѣ нашъ. на хвалнѣ гѣ
стѣра. гѣ. гла. а. о прѣславнѣ
чѣдо. поютса подвончн. слѣ.
и нѣ. пѣр. на стѣнѣ. стѣра.
гла. бѣ. пѣ. домефрантовъ.
слѣ и нѣ. кѣдноу ш тѣхъ.
вѣвактже праздникъ всемоу.

На вжѣствнѣнѣ лу¹⁰ргнѣ.
поютъ оуставаннѣ шаламъ.
и поютъ на вжнѣхъ. ш канѣ
вѣтораго гла. гѣ. и. бѣ. пѣ. и
с¹⁰рмосы. на вхѣдѣ же поютъ
трѣ праздни. слѣ. и нѣ. кѣнѣ.
и прѣ. и стѣ бѣ. прѣ. кѣнчн
дѣше моѣ гѣ. стѣ. яко призрѣ.
и проч.

Подобаетъ же вѣдѣти. яко
или тѣ праздникѣ. или инѣ
прѣствѣнѣ вѣдѣ. вѣчнѣтса въ
нѣ. покетса все праздникоу.
съ нѣаннѣми. прѣднѣ же покетса
неделнаѣ слоужба. тоже и на

На антоургнѣ. на вхѣ.
поктѣ. трѣ. праздни. на¹⁶ слѣ.
и нѣ: кѣ. та¹⁷. стѣнѣ бѣ. прѣ.
кѣнчн дѣ. ¹⁸ ап¹⁰. къ филиппи-
симъ. ¹⁹ врѣ. се да моудрѣств.²⁰
аллу. гла. и. слыши дѣщ. стѣ.
лицю твоѣмоу пом. ²¹ еуа. ш
лоу²². вѣннѣде ш. въ весъ. ²³ кн¹¹
чашю: ~

Подобаетъ же вѣдѣти. яко
или тѣ прѣ. или инѣ. прѣнѣ
вѣдѣ вѣчнѣтѣ въ нѣ. поктѣ все
прѣ съ нѣаннѣми. прѣднѣ же
подобаетъ пѣтн недѣлноѣ. ²⁴
такоже ²⁵ и ²⁶ на вжѣствнѣнѣ ли-

3 опуш. 4 тоже. 5 тоже. 6 по псалтырн — ка¹⁰ опуш. 7 опуш. 8 тоже.
9 тоже. 10 гла дѣ. накѣмъ и анна. 11 опуш. 12 сѣмт¹⁰ въ и. 13 опуш., и.
14 опуш. 15 поютса по двончн.

16 и 17 опуш. 18 моѣ. стѣ. ко призрн. 19 опуш. 20 сѣмт¹⁰ въ и.
21 ст¹⁰ — пом опуш. 22 въ онѣ. 23 сѣмт¹⁰. въ и. 24 нѣаннѣю слоуж. 25 тоже.
26 опуш.

вѣстивнѣ лутергинъ вѣваекъ. на входѣ пѣрвоу недѣланъи трѣ. посемь. рекше. слѣ. таже. трѣ. праздникъ. и нѣ. коѣ. праздникоу же. прѣ. и аллу. праздникоу поктѣ. нѣланъи же аплѣ. прѣже праздничнаго чѣтетса. такоже и аллу.³⁵

Подобное же сходство замѣчается между Алексіевымъ уставомъ и открытымъ самимъ о. Лисицынымъ отрывкомъ Погодинскаго собранія № 48. Многія указываемыя послѣднимъ особенности богослуженія, принимаемыя о. Лисицынымъ за черты Устава Великой Церкви, въ дѣйствительности взяты изъ устава патріарха Алексія. Напримѣръ, замѣчаніе памятника о литургіи-номъ входѣ въ недѣлю Ваий, — вѣхѣодацеламъ же иерѣвемъ. глѣтъ. стѣ вѣхѣоднѣи, — дающее автору поводъ отмѣтить, что богослуженіе въ Погодинской рукописи «разсчитано на соборъ священниковъ» (курс. авт., 124), буквально читается и въ уставѣ патріарха Алексія¹). Замѣтка № 48 послѣ службы великаго четвертка «Обѣдъ» ведетъ автора (146) къ подробному экскурсу въ область практики Великой Церкви Константинопольской, святогробской и даже къ древне-христіанскимъ агапамъ, гдѣ онъ находитъ начало указаннаго обычая, — съ историко-археологической точки зрѣнія это, быть можетъ, и вѣрно, но съ текстуальной данная замѣтка проще разъясняется слѣдующимъ мѣстомъ оригинала № 48, т. е. Алексіева устава: и отпуцненіе. по скончаніи же лутергина. идоутъ на обѣдъ²). Самъ же о. Ли-

сицынъ признаетъ (125), что помѣщенный въ № 48 въ великій вторникъ «чинъ 12 тропарей (изъ службы часовъ великаго пятка)», за небольшими исключеніями, изложенъ такъ же, какъ и въ спискахъ Алексіева устава. Повидимому, это должно было бы заставить автора свѣрить весь текстъ № 48 съ Алексіевымъ уставомъ, но о. Лисицынъ предполагаетъ, что патріархъ Алексій самъ заимствовалъ данный чинъ изъ Устава Великой Церкви. Между тѣмъ ни въ одномъ изъ греческихъ списковъ послѣдняго такого чина совсѣмъ нѣтъ. Сомнительно, чтобы о. Лисицыну удалось найти греческіе или славянскіе списки апостола и евангелія по Уставу Великой Церкви, въ коихъ бы зачала часовъ великаго пятка записаны были въ великій вторникъ. Пѣть 12 тропарей и читать евангелія часовъ великаго пятка, кромѣ этого дня, еще и въ великій вторникъ было едва ли не особенностью практики Студійскаго монастыря, гдѣ въ великую среду на утрени полагался также канонъ о Свв. Страстяхъ преп. Θεодора Студита. А что статья о перенесеніи Древа въ Хлудовской рукописи № 16, дѣйствительно, есть только вставка, это хорошо видно и изъ текста ея въ книгѣ о. Лисицына (118), и еще лучше изъ снимковъ съ рукописи въ альбомѣ приложений (23—24). Послѣ изложенія вечерни наканунѣ 14 сентября по Уставу Великой Церкви памятникъ снова начинаетъ излагать порядокъ вечерни на этотъ разъ уже по студійскому уставу: вѣдкнѣнне (sic) вѣговалѣнне вѣнне чѣтнаго крѣта. вѣ велицѣи црѣви. на вечерни потъ пѣтрѣ. и на гѣ вѣ. (рукопись обрывается). Въ рукописи это, несомнѣнно, и считается началомъ службы 14 сентября, потому что противъ этого на полѣ поставлено число 14. Вся же предшествующая статья имѣетъ въ виду лишь перенесеніе креста, и вечерня по ней, при употребленіи рукописи № 16, нужно думать, не служилась, да еѣ и трудно было служить по такому уставу. Переписчикъ или переводчикъ сокращаетъ и неправильно передаетъ греческій оригиналъ: онъ опускаетъ первый вечерній антифонъ, а послѣдній — *Господи воззвахъ* — называетъ «конечнымъ *Господи помилуй*», три малыхъ антифона именуетъ

27 приб. вѣваекъ: 28 на — праздни^к отпуц.: посемь рекше. слѣ таже трѣ прѣ. и нѣ коѣ прѣ. 29 приб. — нѣ. 30 и еѣ — отпуц. 31 прѣчна. 32 и аллу. 33 тако — кн^и отпуц. 34 М. Лисицынъ, Приложенія, 16—18. 35 Софійск. № 1136, л. 51 об.

1) Софійск. № 1136, л. 10 об.

2) Тамъ же, л. 18.

«третимъ антифономъ» и проч. Статья объ умовеніи погъ въ Погодинской рукописи № 48, вѣроятно, такого же происхожденія, т. е. вставка. Основной текстъ подобныхъ уставовъ, вѣроятно, взятъ изъ русскихъ передѣлокъ Алексіева устава, подобныхъ Типографск. №№ 142 и 144 и Синод. № 333: любопытно, что въ послѣднемъ на л. 150 об. записано — *а се ка'завы. празднико^м по уставу сворига црккѣ*, въ дѣйствительности одинаковыя съ указываемыми Евергетидскимъ уставомъ, — на 21 ноября въ немъ положена та же (6-ая) каѳизма, что и въ Хлудовскомъ уставѣ № 16, правда, отмѣченная здѣсь вверху строки, на Рождество Богородицы. Принимая во вниманіе, что Хлудовскій уставъ, по его заглавію, списанъ архіепископомъ новгородскимъ Климентомъ (1276—1299), можно заключить, что въ Новгородской Софій въ концѣ XIII вѣка употреблялся передѣланный Алексіевъ уставъ съ нѣкоторыми особенностями Устава Великой Церкви Константинопольской: утвержденіе же о. Лисицына, что «въ концѣ XIII вѣка въ богатомъ Новгородѣ, нетронутомъ татарскими нашествіями, богослуженіе совершалось, по Уставу Великой Церкви, еще со всею пышностью и торжественностью (115)» — неточно.

При отсутствіи славянскихъ списковъ Устава Великой Церкви всѣ остальные доказательства о. Лисицына говорятъ лишь о возможности употребленія на древней Руси этого устава. Степень этой возможности понижается, во-первыхъ, тѣмъ, что приведенные авторомъ обычаи и чины Великой Церкви, употреблявшіеся въ древне-русской церкви, относятся къ не совсѣмъ существеннымъ сторонамъ богослуженія, а во-вторыхъ, тѣмъ, что ихъ списокъ у о. Лисицына нуждается въ сокращеніяхъ и оговоркахъ. Такъ, на стр. 102—106 авторъ приводитъ славянскіе чины литій Великой Церкви, взятые изъ рукописи Московской Синодальной Библіотеки № 675 (Горскій и Невоструевъ, 371): этотъ переводъ, весьма вѣроятно, принадлежитъ уже митрополиту Клиріану, потому что онъ одинаковъ съ находящимся въ рукописи той же библіотеки № 326 (375), въ коей есть приписъ:

служе^бникъ мака^ревъскон писѣ с митрополіа с клиріанова пере^водѣ слово в' слово ¹⁾. Далѣе, не всѣ указываемые авторомъ обычаи и послѣдованія можно признать употреблявшимися въ Великой Церкви. На стр. 77—85 о. Лисицынъ приводитъ припѣвы къ псалтири изъ кондакаря Благовѣщенскаго монастыря, якобы по Уставу Великой Церкви, но принадлежность ихъ послѣднему ничѣмъ не доказываетъ. Между тѣмъ припѣвы Великой Церкви къ псалмамъ, намъ извѣстные полностью по двумъ памятникамъ, — по списку ихъ, усвоенному патріарху Аноиму, и Хлудовской псалтири ²⁾, — не сходятся съ припѣвами въ названномъ кондакарѣ: послѣдній, повидимому, для всѣхъ псалмовъ назначаетъ «аллилуіа», тогда какъ первые памятники указываютъ 12 различныхъ видовъ припѣвовъ. «Пѣсенное послѣдованіе», какъ понимаетъ его авторъ, т. е. пѣніе псалмовъ съ припѣвами, употреблялось не одной только Великой Церковью, а было довольно обычнымъ въ древнемъ, между прочимъ, и монашескомъ богослуженіи. По свидѣтельству патріарха Алексія, св. Феодоръ Студитъ установилъ для стихословія псалтири по 9 аллилуаріевъ на каждый гласъ ³⁾: быть можетъ, они и записаны въ Типографскомъ уставѣ № 142 ⁴⁾. Евергетидскій уставъ нѣсколько разъ упоминаетъ о стихословіи каѳизмъ въ великіе праздники «косно, съ продолжительными (*μεζόνων, τρανωτέρων*) аллилуаріями ⁵⁾». Весьма возможно, что и «аллилуаріи» Благовѣщенскаго кондакаря аналогичнаго же происхожденія. На Руси подобное стихословіе псалтири употреблялось еще въ XVII в. ⁶⁾, а у старообрядцевъ и единовѣрцевъ отчасти сохранилось еще и доселѣ. Приходится выразить сожалѣніе, что авторъ, специалистъ

1) Горскій и Невоструевъ, Описание, III, 1, стр. 199.

2) См. примѣчаніе 3, стр. 318, а также — Архимандритъ Амфилохій, Замѣтки о греческой псалтири IX вѣка, 1866.

3) Горскій и Невоструевъ, Описание, III, 1, стр. 268.

4) Л. 98.

5) А. Дмитриевскій, Описание, I, 364 (29 дек.), 356 (25 дек.), 382 (6 янв.) и др.

6) Рукоп. Софійск. библ. № 480.

но музыкѣ, не обратилъ вниманія на позднѣйшія нотныя русскія рукописи съ аллилуіаріями и припѣвами для псалтири: быть можетъ, онъ и разыскалъ бы въ нихъ дѣйствительно подлинныя припѣвы Великой Церкви. — Затѣмъ, многіе изъ чиновъ и обычаевъ, приписываемыхъ о. Лисицынымъ Великой Церкви, являются въ ея уставѣ заимствованіями. О. Лисицынъ самъ указываетъ нѣкоторые источники такихъ заимствованій, — богослуженіе древне-христіанское (88), а также — обычай іерусалимскаго храма Воскресенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить, какъ было уже отчасти замѣчено, богослуженіе церквей, вошедшихъ въ составъ константинопольскаго патріархата, т. е., малоазійскихъ, Балканскаго полуострова и, наконецъ, даже мѣстные, константинопольскіе, обычай. Дѣйствительность заимствованій послѣдняго рода подтверждается памятниками самаго Устава Великой Церкви: напримѣръ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ относительно литургійныхъ антифоновъ праздника Преображенія читается — «эти антифоны поются въ одной лишь Студійской обители, Великая же Церковь и прочія поютъ обычные антифоны, ибо она приняла уставъ пѣть (особые) антифоны лишь въ три праздника, въ Пасху, Рождество и Богоявленіе¹⁾». Изъ числа указываемыхъ о. Лисицынымъ обычаевъ и чиновъ Великой Церкви къ заимствованіямъ слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, антифоны Свв. Страстей (86), созданіе Іерусалимской церкви (92, прим. 101). Этой же церкви, возможно, принадлежит и асмагическій чинъ воздвиженія креста (89). Подпѣваніе концовъ тропарей и сѣдальновъ (88), по признанію самого автора, заимствовано, «вѣроятно, еще изъ практики первоначальной Церкви». Сидѣніе священнослужителей во время утреннихъ и вечернихъ прокимновъ и аллилуіа (35), несомнѣнно, установлено по аналогіи съ обычаемъ сидѣть во время литургійныхъ ветхозавѣтныхъ и апостольскихъ чтеній, обычаемъ — древне-христіанскаго проис-

1) И. Мансметовъ, Церковный уставъ (типикъ). 1885, 243. Ср. А. Дмитриевскій, Древнѣйшіе патріаршіе типиконы. 1907, 343.

хожденія. Чтеніе евангелія въ Пасху старшимъ священнослужителемъ (144), по свидѣтельству Сократа, было лишь единичнымъ случаемъ широко распространеннаго въ его время обычая читать вообще въ великіе праздники евангеліе іереямъ или епископу. Совершеніе проскомидіи діакономъ (49) — древній обще-христіанскій обычай. Служба преждеосвященной литургіи въ сырныя среду и пятокъ, во всѣ будничные дни 40-цы и въ великій пятокъ (56), быть можетъ, была мѣстнымъ обычаемъ въ константинопольскомъ патріархатѣ. Почти всѣ эти обычай, по наблюденію самого автора (209—235), содержатся и въ Алексіевомъ уставѣ. Если мы признаемъ въ данномъ уставѣ не простую компиляцію, какъ это предполагаетъ о. Лисицынъ, а редактированный патріархомъ Алексіемъ Студійскій уставъ, то возможно предполагать, что перечисленные обычай явились въ немъ не только чрезъ посредство Великой Церкви, а могли быть заимствованы частію изъ Іерусалима, частію — перейти вообще изъ богослужебной практики константинопольскаго патріархата. По справедливому мнѣнію Е. Е. Голубинскаго, «на Студійскій уставъ не должно смотрѣть какъ на самостоятельный уставъ, сочиненный преп. Θεодоромъ, а какъ на тотъ же уставъ св. Саввы, но только нѣсколько измѣненный преп. Θεодоромъ по мѣстнымъ условіямъ и личнымъ соображеніямъ¹⁾». Но если даже и принять взглядъ автора на Алексіевъ уставъ, то все-таки остается возможнымъ, что на Русь названные обычай могли проникнуть съ послѣднимъ, не нуждаясь въ Уставѣ Великой Церкви, тѣмъ болѣе что о. Лисицынъ ни одного изъ указанныхъ обычаевъ не можетъ возвести ко времени, предшествующему введенію на Руси устава патріарха Алексія.

Какъ и по вопросу объ Уставѣ Великой Церкви у южныхъ славянъ, такъ и въ данномъ случаѣ авторъ опустилъ изъ виду древне-русскіе списки евангелій, апостоловъ и паримійниковъ. Между тѣмъ они могли бы оказать ему громадную поддержку.

1) Исторія русской церкви, I 2. 1881, 324.

Напримѣръ, въ Остромировомъ евангеліи мѣсяцесловъ, какъ и въ Охридскомъ апостолѣ, является сокращеннымъ переводомъ мѣсяцеслова Великой Церкви въ редакціи, близкой къ патмоскому списку. Но по сравненію съ послѣднимъ тамъ есть и любопытныя особенности: на утренияхъ великихъ праздниковъ въ Остромировомъ евангеліи положены зачала съ особыми прокимнами. Есть въ немъ и 12 евангелій Страстей и зачала для часовъ великаго пятка, но послѣднія записаны въ самомъ концѣ книги, послѣ евангелій на разные случаи. Статьи Устава Великой Церкви и ея обычаи можно находить въ русскихъ апостолахъ (первой и второй редакціи, по опредѣленію проф. Г. Воскресенскаго) до XVI в. Въ высшей степени важно было бы прослѣдить, какъ измѣнялись на Руси уставныя части въ названныхъ сборникахъ: интересно было бы выяснитъ причины различія въ составѣ и мѣсяцесловѣ между Остромировымъ и Мстиславовымъ евангеліями или прослѣдить по париміиникамъ, какъ, когда и почему терминъ «тритекти» замѣненъ былъ простымъ «заутра». — И памятники русской письменности могли бы дать о Лисицыну важный матеріалъ по интересующему его вопросу. Любопытно сопоставить извѣстіе о предсмертныхъ часахъ св. Бориса, съ одной стороны, Несторова «Чтенія о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба¹⁾», а съ другой, — «Сказанія Страстей²⁾» и лѣтописнаго повѣствованія объ этомъ: два послѣдніе памятника заставляютъ св. Бориса, не-монаха, пѣть заутреню по іерусалимскому чину. Интересенъ также фактъ, что въ своемъ «Поученіи» Мономахъ приводитъ цѣликомъ нѣсколько пѣснопѣній изъ Постной тріоди: повидимому, послѣдняя въ его время употреблялась на Руси уже не за однимъ лишь монашескимъ богослуженіемъ. Быть можетъ, собранный матеріалъ подобнаго рода далъ бы возможность автору прослѣдить, параллельно съ постепеннымъ проникновеніемъ іерусалимскихъ богослужебныхъ обычаевъ въ

1) Чтенія въ О-вѣ Истор. и Древн. Россійск., 1859, I, в.

2) Христіанск. Чтен. 1849, II, 383.

греческій Уставъ Великой Церкви, — подобный же процессъ и на Руси.

Переходя къ разбору положенія о Лисицына, что Алексіевъ уставъ есть просто ктиторскій, а не студійскій, слѣдуетъ отмѣтить странное недоразумѣніе, допущенное авторомъ въ обзорѣ рукописей названнаго устава (199—207). Именно, онъ насчитываетъ въ Московской Синодальной Библиотекѣ 4 списка этого устава (№№ 2, 5 и 7), тогда какъ въ дѣйствительности ихъ тамъ всего лишь 3, какъ это правильно указано самимъ же о. Лисицынымъ во «Введеніи» къ своей книгѣ (VIII—IX): одну и ту же рукопись, именно № 333 (Горскій и Невоструевъ, № 381), о. Лисицынъ рассматриваетъ дважды, — первый разъ (202) подъ ея старымъ № (333), относя её къ концу XIII или началу XIV в., а второй разъ (204) — подъ № ея въ «Описаніи» Горскаго и Невоструева (381), помѣчая её совершенно правильно 1398 г. — Приходится, затѣмъ, сожалѣть, что авторъ не даетъ подробной характеристики существующихъ списковъ Алексіева устава, обѣщая это сдѣлать (208, прим. 80) въ предисловіи къ порученному ему совмѣстно съ проф. А. А. Дмитриевскимъ Императорской Академіей Наукъ изданію этого устава: такая характеристика пролила бы не мало свѣта на его исторію на Руси. — Нельзя, далѣе, обойти молчаніемъ несправедливаго или, по крайней мѣрѣ, неосторожнаго отношенія о. Лисицына къ своимъ предшественникамъ, изслѣдователямъ Алексіева устава, А. В. Горскому и К. И. Невоструеву, архіепископу Сергію, проф. И. Д. Мансветову и др. О. Лисицынъ осмѣливается утверждать, что они не считали названнаго устава ктиторскимъ, при чемъ допускаетъ относительно ихъ такія сильныя выраженія: «они никогда и не думали видѣть въ уставѣ патріарха Алексія ктиторскій, а не Студійскій уставъ (198)». Въ частности, о проф. Мансветовѣ о. Лисицынъ, вслѣдъ за проф. А. А. Дмитриевскимъ¹⁾, пишетъ, что тотъ, будто бы,

1) Христіанск. Чтен. 1888, II, 499.

«не рѣшается назвать» Алексіевъ уставъ «своимъ именемъ, именемъ ктиторскаго (168)» и — «нигдѣ *не рѣшается назвать его своимъ именемъ* именемъ ктиторскаго (курс. автор., 171)». Горскій и Невоструевъ и высокопреосвященный Сергій, правда, не употребляютъ слова «ктиторскій» въ приложеніи къ Алексіеву уставу, но постоянно говорятъ о немъ, какъ о ктиторскомъ. К. И. Невоструевъ въ предисловіи къ III, 1 ч. «Описанія» пишетъ: «старшіе списки уставовъ Синодальной Библиотеки представляютъ уставъ Студійскій, церковный и монастырскій, но тотъ и другой не въ подлинномъ видѣ, а пересмотрѣнный и примѣненный патриархомъ Алексіемъ къ основанной имъ самимъ обители въ честь Богоматери¹⁾». Архіепископъ Сергій выражается приблизительно такъ же: «дошедшіе до насъ списки устава XII в. въ Россіи не содержатъ чистый уставъ Студійскій, а содержатъ уставъ монастыря Богородицы константинопольскаго патриарха Алексія». Послѣдній «написалъ для него уставъ по уставу Студійскаго монастыря²⁾». Въ отношеніи же къ проф. Мансветову о. Лисицынъ оказался строже даже проф. Дмитриевскаго. Послѣдній пишетъ: «на этотъ послѣдній памятникъ, какъ на ктиторскій типикъ, смотритъ и г. Мансветовъ въ своей книгѣ, хотя онъ прямо и рѣшительно не высказалъ этого . . . высказывая совершенно правильныя сужденія объ этомъ памятникѣ, г. Мансветовъ колебался назвать его своимъ именемъ³⁾». О. Лисицынъ такой отзывъ находитъ возможнымъ передать лишь слѣдующимъ образомъ: «высказывая мысль, что Уставъ передѣланъ, примѣнительно къ порядкамъ монастыря Алексіева, и во многихъ мѣстахъ составленъ заново подъ перомъ его ктitora, проф. Мансветовъ, однако, не рѣшается назвать его своимъ именемъ, именемъ «ктиторскаго (168)». Между тѣмъ проф. Мансветовъ на стр. 122 своего «Церковнаго Устава»,

цитируемой самимъ о. Лисицынымъ рядомъ съ приведенной его фразой, ставитъ Алексіевъ уставъ «въ рядъ другихъ, извѣстныхъ намъ, ктиторскихъ уставовъ (17 и 18 строк.)», а ниже (строк. 36) прямо пишетъ: «такъ какъ уставъ Алексія былъ ктиторскимъ» и проч. Называя прямо Алексіевъ уставъ ктиторскимъ, проф. Мансветовъ точно и опредѣленно разъясняетъ, въ чемъ состояла дѣятельность патриарха Алексія, какъ редактора устава. О. Лисицынъ и здѣсь, какъ будто, старается представить мнѣніе проф. Мансветова по этому вопросу болѣе блѣднымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. По приведеннымъ его словамъ, проф. Мансветовъ лишь «высказываетъ мысль», а по другому мѣсту (171), даже только «намекаетъ на переработки» въ Алексіевомъ уставѣ «примѣнительно къ практикѣ и нуждамъ монастыря патриарха Алексія». Между тѣмъ проф. Мансветовъ ясно и опредѣленно указываетъ источники устава патриарха Алексія и собственную въ немъ работу редактора. По его словамъ, Алексій воспользовался готовыми уже записями студійскаго порядка службы и монашескаго быта, «пересмотрѣлъ ихъ, дополнилъ и въ этомъ редактированномъ видѣ» употребилъ ихъ «для своего устава, но многое написалъ и составилъ вновь *подобно составителямъ ктиторскихъ уставовъ*. Это нужно замѣтить прежде всего относительно уставника и послѣдней — дополнительной части. Здѣсь изложеніе ведется отъ лица патриарха, и это придаетъ его записи *характеръ ктиторскаго устава*, гдѣ на первый планъ выступаетъ личная воля устроителя». Служебная часть устава, по мнѣнію проф. Мансветова, составлена, вѣроятно, по записямъ, заключавшимъ службу по тріоди и минеѣ, по записямъ болѣе полнымъ, чѣмъ ἱερόπρωσις: данная часть «отличается отъ остальныхъ частей по изложенію и ведется въ третьемъ лицѣ». Кромѣ студійскихъ записей, Алексій пользовался правилами древнихъ устроителей монашеской жизни, обычаями Великой Церкви, порядками службы и быта другихъ монастырей, но главнымъ образомъ руководился практикой Студійскаго монастыря, на которую безъ сомнѣнія и ссылался въ выраженіяхъ: *по чину*,

1) Стр. XII — XIII.

2) Полный мѣсяцесловъ Востока, I, 1901, 152.

3) См. примѣчаніе на стр. 331.

по обычаю, по обдерживающему уставу¹⁾). Самъ о. Лисицынъ въ опредѣленіи отношенія патріарха Алексія къ Студійскому уставу, въ сущности, ушелъ не особенно далеко отъ проф. Мансветова:

И. Д. Мансветовъ:

«Назначая уставъ для *своего монастыря*, излагатель относился къ нимъ (правиламъ студійскимъ) свободно, по мѣстамъ не соглашался съ ними и опускалъ неудобное²⁾».

Прот. Лисицынъ:

«Составитель Алексѣвскаго Устава относится къ студійской практикѣ съ полною свободою: онъ слѣдуетъ обычаямъ Студійскаго монастыря, *но далеко не вслѣдъ*; затѣмъ, онъ измѣняетъ ихъ, сообразно своимъ взглядамъ и условіямъ жизни своего монастыря, и только нѣкоторые обычая онъ беретъ въ цѣломъ ихъ видѣ (236)».

Такимъ образомъ, прежніе изслѣдователи считали Алексѣевъ уставъ ктиторскимъ, а проф. Мансветовъ даже и называлъ его этимъ именемъ, но въ иномъ сравнительно съ о. Лисицынымъ смыслѣ: послѣдній видитъ въ немъ компіляцію, сдѣланную патріархомъ Алексѣемъ изъ различныхъ уставовъ, въ томъ числѣ лишь *отчасти* и изъ студійскаго; первые смотрятъ на него тоже какъ на компілятивный уставъ³⁾, но на студійской основѣ, въ нѣкоторыхъ только случаяхъ передѣланной и дополненной патріархомъ Алексѣемъ. Отсюда они съ своей точки зрѣнія совершенно справедливо называютъ этотъ уставъ студійскимъ, потому что, по словамъ архіепископа Сергія, «онъ въ возможной полнотѣ изображалъ порядки Студійской обители первой половины XI в., исключая немногія измѣненія или дополненія изъ другихъ уставовъ или лично самимъ патріархомъ сдѣланныя⁴⁾». О. Лисицынъ

1) Церковный уставъ, 118—120.

2) Тамъ же, 120.

3) Тамъ же.

4) Мѣсяцесловъ, I, 153.

считаетъ такіе взглядъ и названіе ошибкой и одностороннимъ увлеченіемъ (198 и 263), причиною коихъ, будто бы, были «желаніе имѣть уставъ славнаго когда то Студійскаго монастыря, неточное свидѣтельство лѣтописца о введеніи у насъ Студійскаго устава, отношеніе устава патріарха Алексія къ 'Υποτύπωσις'у св. Θεодора Студита (?)» и присутствіе въ данномъ уставѣ студійскихъ обычаевъ. Въ дѣйствительности же, совершенно справедливое мнѣніе названныхъ ученыхъ вытекало изъ глубокаго и внимательнаго изученія Алексѣева устава и основывается на прямыхъ свидѣтельствахъ послѣдняго, на которыя о. Лисицынъ почему-то мало обратилъ вниманія. Алексѣевъ уставъ 5 разъ ясно и рѣшительно заявляетъ, что онъ слѣдуетъ преданію св. Θεодора и Студійскаго монастыря. Вотъ эти мѣста. Въ переходѣ отъ тріодной части къ мѣсячной читаемъ: *Ουστανὲς ουβω. ω σλακωσλωνι въ великыи нѣ. къ селмоу и въ дни иже по пасцѣ. и въ прочаа праздныкы. неподовнымъ иже въ мѣчинциѣ оуже по заповѣди прѣданъ вѣи. и подобаетъ кмоу тако свѣтшурса на небаазнкоуоу стѣзю наставлающоу вънимати. и прѣданого чина никакоже прѣвратиати. постижно же ксть намъ. въ кынждо мѣцѣ. нарочитыхъ дѣовъ. и реченое и иже въ нихъ дѣлажнаго прѣнословна свлюдати правило. тако во оубо вса коуплаа въвакци (οὕτως γὰρ οὖν ὅλης πραγµατείας γιγνοµένης?). всего невѣрьственна (πάσης ἀπιστίας?). не чрес дѣло кникы противныа извлѣшитъ (οὐ διὰ καµάτου τὰ βιβλία ἐνεστῶτα ἀπαλλάξει?). всакого же нрелмаго оудовъ кид. и беспечалное (ἀμέριμον?). подасть разоумѣник. и ничсоже беспечално (ἀμέριμον?). ни ѿ прѣвѣншаго къ вѣстекномоу оѣю. и исповѣднику деудороу. прѣданъи ннокомоу испълненію оуставъ. къ стѣихъ сворѣхъ сего творити. ωставитъ (ὕπὸ τοῦ δειοτάτου πατρὸς καὶ ὁμολογητοῦ Θεοδώρου παραδοθέντος μοναχικῶ πληρώματι τοῦ τυπικοῦ ἐν ταῖς ἀγίαις συνάξεσι τοῦτο ποιεῖν ἀφήσει? 1). Вторая часть Алексѣева устава, уставникъ, надписывается,*

1) Сочинен. № 1136, л. 47 об., ср. И. Мансветовъ, II. Уставъ, 393.

что онъ оуставленъ . . . не по писанію въ монастыри студинстѣмъ прѣвнѣмъ оцѣмъ нашимъ исповѣдникѣмъ деодорѣмъ . . . прѣданъ же писаніемъ. ѿ алына стго и вселеннаго патриарха. въ поставленѣмъ намъ монастыри. въ намъ вѣтвѣнна мѣре¹⁾. Приступая къ изложенію этой части, патриархъ пишетъ: не(нѣ) прикасаниса уже начинати и ѿсюдъ вслѣ прѣно паматнаго оца нашего феѡра хотащии творити. намъ же онѣ о тѣ в законѣ. како ни доврѣе сего можетъ кто²⁾. Въ началѣ третьей, дополнительной, части устава сказано: уже држнхъ книгѣ црквиноую сажжвоу прѣбатаго оца нашего феѡра. стопамъ въслѣ. ходяще и сказаеше. каа же и когда на кинжо дѣнѣ. ѿ благоговѣнны мншехъ подоваетъ пѣти³⁾. Въ главѣ объ избраніи игумена Алексій заповѣдуетъ: того рѣ сдѣ игуменншема възрастъ и наказаніе чѣнаго сего монастыря повелѣваемъ. ѿ иного монастыря ни зѣло послушьствованъ. достоинъ на игуменства неприятъ вѣдетъ како ѿиноуду кто прихода. томъ же самоуду тоу сжцаа ѿ печалѣ благоговѣнныа. ржгана своего нещюрѣи. еже очн же его пасенымъ быти. иже достоинны⁴⁾ ми вѣтвеннаго оца. въ исповѣдницехъ намъ феѡ^{ра} (ἐν τοῖς ὁμολογηταῖς τοῦ ἡλίου Θεοδώρου?) оуставъ не свѣдаа отинѣ бывъ. о на преданѣ повелѣнни ѿ него погоувѣи. не перкѣ же кто ѿ стго патриарха монастыря сего. оуставниство порѣчан. аще не перкѣ бесписаніа извѣстити къ нему: како по повелѣніюми намъ поживетъ. а не ѿтиноуѣ ѿ вѣтвеннаго оца феѡра намъ оуставлеными. или въ црквиѣнн слоу^{вѣ} или в ино^ч чемъ. или како поновит. или почертетъ или престоупѣи⁴⁾. Въ книгѣ о. Лисицына разсматриваются лишь 2, 3 и 5 изъ приведенныхъ мѣстъ. Первые два изъ нихъ своею рѣшительностію заставляютъ автора высказать довольно вѣрные сужденія:

1) Горскій и Невоструевъ, Описание, III, 1, 256.

2) Синодальный Уставъ, № 905 (Горскій и Невоструевъ, № 382), л. 223.

3) Тамъ же, л. 269 об.

4) Тамъ же, л. 265 об. — 266.

«Студійскій уставъ», пишетъ онъ по ихъ поводу, «оказалъ больше всего вліянія на вторую, общежительную часть Алексѣевского устава . . . если искать студійскихъ порядковъ, то всего болѣе во второй части Алексѣевского устава (279)», не смотря на то, что выше онъ говорилъ: «Сравнивая нашъ уставъ съ записью Студійскаго монастыря (Ἐποτύωσις), мы находимъ какъ сходство въ богослуженіи и *нѣкоторыхъ* (курсивъ рец.) общежительныхъ правилахъ, такъ и много особенностей (236)». Третьимъ же мѣстомъ (т. е. № 5) о. Лисицынъ по недоразумѣнію думаетъ воспользоваться въ смыслѣ совершенно противоположномъ его содержанію, именно, какъ «рѣшительнымъ заявленіемъ, послѣ котораго должны умолкнуть рѣчи» объ Алексѣевѣ уставѣ, «какъ о Студійскомъ уставѣ (354)»: авторъ видитъ въ немъ запрещеніе пользоваться преданіями св. Феодора, — «патриархъ Алексій», по его словамъ, «со всею рѣшительностію завѣщалъ, чтобы будущіе игумены его монастыря жили согласно съ его уставомъ (какъ по повелѣніюми намъ живетъ), а не Студійскимъ (а отиноудъ ѿ вѣтвеннаго оца деодора намъ оуставленными, 355)». О. Лисицынъ не разсчиталъ, что славянское «а» здѣсь передаетъ греческое καὶ и слово — отиноудъ (μηδαμῶς?), вызвавшее у славянскаго переводчика опущеніе отрицанія, относится не къ живетъ, а къ поновитъ, прѣчертетъ, прѣстоупитъ. Патриархъ Алексій опасается, что игумень, поступившій въ его монастырь извиѣ, не зная устава св. Феодора касательно церковной службы и прочаго, какъ это предано и изложено патриархомъ (ѿ насъ прѣданныхъ ѿ него, ѿ вѣтвеннаго оца деодора намъ оуставленными, — τὰ ὑφ' ἡμῶν παραδοθέντα παρ' αὐτοῦ, τοῖς παρὰ τοῦ θειοτάτου πατρὸς Θεοδώρου ἡμῖν τυπωθεῖσι?), исказитъ или нарушитъ данный уставъ. Наконецъ, о. Лисицынъ совершенно умалчиваетъ о замѣчательномъ предисловіи къ Алексѣеву уставу, сохранившемся въ Типографскомъ уставѣ № 144 (л. 27), которое прямо и рѣшительно заявляетъ, что данный уставъ — Студійскаго монастыря. Греческое происхожденіе этого предисловія доказывается, съ одной стороны, особенностями его

текста, а съ другой тѣмъ, что онъ наполовину сохранился въ предисловіи къ тѣнику Гроттаферратскаго монастыря, установленному его игуменомъ Варооломеемъ (втор. четверть XI в.).

№ 144.

Синасаръ иже есть оуставъ. Оуставленъи. имѣна всѣмъ временемъ. о церковнѣмъ служеннн. и о патрнѣмъ пѣтнн. и о канунѣхъ. и въ которыа дни празднуимъ. ѿ овцаго дѣлання. и въ которыа памати стѣмъ творити. праздника ради вывающухъ. имѣюще же ина нѣкаа. иже и на сворѣ црѣвнѣмъ вѣвають. якоже си оуставленнаа. къ оцѣо нашему и неповѣднику фѣодору вѣдано. непнсаниемъ же по по вѣданню. по кождо схранено. написанна же нѣмѣ трудолюбнѣ. кождо съложнхомъ да не ѿ лѣта потаено будеть и въ забвенна тмъ глѣвокиа. испытання нхъ презрѣнна. се уставъ ксть студнскаго монастыра мѣтѣмъ же и насъ на се повелѣше прнвнхому нашнмъ оцѣмъ галѣмъ се.

Гроттаферратскій.

Συναξάριον σύν Θεῷ ἡγῶν τυπικόν κανωνάριον (sic), περιέχων τοῦ ὅλου χρόνου τήν τῆς ἐκκλησίας ἀκολουθίαν, τῆς τε σιτολογίας καί τῶν κανῶνων (sic) καί ἀναγνωσμάτων καί ποίας τῶν ἡμερῶν σχολάζομεν ἀπό τοῦ συνήθους καμάτου καί εἰς ποίας τῶν ἀγίων μνήμας ἐπιτελοῦμεν ἀργίαν τῶν ὠρῶν, καί μετανοίας ποιῶμεν. Περιέχει δὲ καί ἄλλα τινά, τὰ εἰς τήν σύναξιν τῆς ἐκκλησίας συντελοῦνται. Ὁπερ ἀνακαινίσθη ἀπό τοῦ παλαιῦ τυπικοῦ τοῦ τυποθέντος (sic) ἐπὶ τοῦ πατρὸς ἡμῶν Βαρδολαμαίου τοῦ νεοῦ τοῦ Ῥουσιανίου τοῦ δι' ὀρισμοῦ τοῦ εὐλαβεστάτου πατρὸς κυρ. δευτέρου Βλασίου καθηγουμένου τῆς περιβλέπτου μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς ἐπονομαζομένης τῆς Κρυπτοφῆρῆς¹⁾.

Послѣ прямыхъ и рѣшительныхъ свидѣтельствъ Алексіева устава и его составителя о слѣдованіи ихъ завѣтамъ и преда-

1) A. Rossi, Codices Cryptenses, 1884, 209. Ср. А. Дмитриевскій, Описание, I, СXXX и 899.

ніямъ св. Θεοдора вся обширная и сложная аргументація о Лисицына усвоеннаго имъ отъ проф. Дмитриевскаго взгляда на этотъ уставъ является напрасно предпринятымъ трудомъ. Разборъ ея только еще лучше подтверждаетъ правильность опровергаемаго о. Лисицынымъ взгляда и всю неудачность его борьбы съ послѣднимъ. Приводимыя о. Лисицынымъ доказательства въ подтвержденіе защищаемаго имъ мнѣнія тройкаго рода: авторъ указываетъ 1) на разногласія между Алексіевымъ уставомъ и студійскими обычаями, доходящее въ иныхъ случаяхъ до того, что его составитель прямо отмѣняетъ студійскую практику, замѣняя еѣ иною, 2) на пользованіе его составителемъ другими уставами, особенно Уставомъ Великой Церкви и 3) на сходство Алексіева устава съ другими ктиторскими уставами.

Въ первой группѣ доказательствъ о. Лисицынъ прежде всего выставляетъ различія между Алексіевымъ уставомъ и «Начертаніемъ устава Студійской обители (ὑποτύπωσις)». Послѣ подробнаго сравненія этихъ памятниковъ онъ даетъ такую статистику его результатовъ: «изъ 69 постановленій и обычаевъ, указанныхъ нами, только 29 нашли полное соотвѣтствіе въ Алексіевскомъ уставѣ и ὑποτύπωσις'ѣ, 20 же измѣнены, 5 правилъ выражены въ Алексіевскомъ уставѣ полнѣе, а два короче, въ одномъ случаѣ существуетъ разногласіе съ ὑποτύπωσις'омъ, и 12 правилъ не имѣютъ себѣ ничего соотвѣтствующаго. Цифры говорятъ сами за себя. Очевидно, авторъ Алексіевскаго устава не слѣдовалъ строго ὑποτύπωσις'у, но вносилъ въ уставъ и свой взглядъ, которому весьма часто онъ отдавалъ предпочтеніе (261)». Думается, цифры говорятъ нѣчто иное, чѣмъ предполагаетъ о. Лисицынъ: имъ найдено *всего лишь одно разногласіе*; 7 случаевъ измѣненія только объема и формы, а не содержанія, правилъ должны быть по справедливости причислены къ случаямъ схода, и тогда получится 36 сходныхъ правилъ противъ 20 измѣненныхъ, 12-ти новыхъ правилъ и 1-го разногласія, т. е. больше половины. Различія между Алексіевымъ уставомъ и ὑποτύπωσις'омъ легко объясняются тѣмъ, что первый памятникъ болѣе

поздняго происхожденія, чѣмъ второй. Студійскіе обычаи, какъ и всякіе другіе, подвергались съ теченіемъ времени измѣненіямъ: самъ патріархъ Алексій отмѣчаетъ въ своемъ уставѣ случай, быть можетъ, такого нововведенія въ студійской практикѣ — иѣшіе «иѣвчески» въ великую субботу великаго славословія, **игоже николиже възвчанъ вѣ третнн. тѣчкю иѣннѣ** (268). Въ началѣ XIV в. сербскій архіепископъ Никодимъ переводитъ іерусалимскій уставъ съ греческаго оригинала, полученнаго имъ изъ константинопольскаго монастыря «св. Предтечи и Крестителя Іоанна»: проф. Мансветовъ съ большою вѣроятностію предполагаетъ здѣсь Студійскій монастырь¹⁾. Нѣкоторые студійскіе обычаи, внесенные св. Леонасіемъ Высотскимъ (1401 г.) въ его редакцію устава (262, 274—276), довольно сильно отличаются и отъ обѣихъ редакцій 'Υποτύπωσις'а, и отъ устава патріарха Алексія и по своей строгости приближаются уже къ іерусалимскимъ: можно предполагать, что Студійскій монастырь постепенно перешелъ къ послѣднимъ въ связи съ переходомъ другихъ монастырей константинопольскаго церковнаго округа къ іерусалимскому уставу. Любопытное явленіе, что о. Лисицынъ при своемъ сравненіи Алексіева устава съ 'Υποτύπωσις'омъ пользуется преимущественно второю, позднѣйшею, редакціей поздняго, открытой проф. А. А. Дмитріевскимъ, и мало выдвигаетъ первую, древнѣйшую (IX в.), его редакцію, изданную Mai²⁾: между ними наблюдаются почти такія же различія, какія о. Лисицынъ указываетъ между второй редакціей и Алексіевымъ уставомъ, и однакоже авторъ нигдѣ не осмѣливается назвать какую-либо изъ этихъ редакцій не-студійской. Далѣе, если всмотрѣться внимательнѣе въ каждое изъ названныхъ различій между Алексіевымъ уставомъ и 'Υποτύπωσις'омъ у о. Лисицына, то число ихъ значительно сократится. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ въ своей работѣ ни нумераціи сравниваемыхъ имъ правилъ, ни точнаго раздѣленія ихъ, ни распредѣленія ихъ

по указаннымъ имъ 4 группамъ, ни, наконецъ, даже точнаго названія различія, найденнаго имъ по тому или другому пункту между сравниваемыми имъ памятниками: напримѣръ, въ статистикѣ онъ насчитываетъ лишь одно «разногласіе», а въ сравненіи онъ употребляетъ этотъ терминъ 3 раза (240, строка 4, 244, — 16, 257, — 18). Авторъ въ своемъ сравненіи просто держится порядка 'Υποτύπωσις'а второй редакціи. Отмѣчаемыя имъ различія почти все относятся не къ существеннымъ сторонамъ устава: многія изъ нихъ прямо мелочны.

1. 'Υποτύπωσις подробно указываетъ мѣстности Студійскаго монастыря, по которымъ проходятъ крестные ходы въ понедѣльникъ Пасхи, недѣлю Ваіи и Благовѣщеніе, что о. Лисицынымъ принимается за хожденіе «по всему монастырю и окрестностямъ его (237)». Алексіевъ уставъ о двухъ послѣднихъ ходахъ выражается — **овнходать въскъ монастырь**, а о первомъ — **овнходать около монастыря**: послѣднее о. Лисицынъ понимаетъ въ смыслѣ хожденія лишь вокругъ монастыря. Отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе: «это различіе показываетъ намъ, что Алексіевскій монастырь не слѣдовалъ въ своей практикѣ рабски за Студійскимъ, а лишь только до известной степени подражалъ ему, и что, слѣдовательно, Уставъ Алексіевскій есть ктиторской, а не Студійскій». — Въ дѣйствительности, во второй редакціи 'Υποτύπωσις'а совсѣмъ не говорится о хожденіи по всему монастырю и окрестностямъ его, а указывается процессія вокругъ виноградника, лежавшаго вблизи и, вѣроятно, окружавшаго монастырь (*κυκλεύομεν τὸν ἑναγχον τῆς μονῆς ὄντα ἀμπελώνα*¹⁾), при чемъ процессія, отправившись изъ соборнаго храма монастыря во имя Предтечи, по пути проходила по берегу Мраморнаго моря, заходила въ другой монастырскій храмъ—Богородицы, а изъ него возвращалась снова въ первый (*εἰθ' οὕτως ἀπερχόμεθα... εἰς τὸν ναὸν τῆς Ὑπεραγίας Θεοτόκου, καὶ ἐκτενήν ποιοῦντες, ἀνδρποστρέφομεν εἰς τὸν ναὸν τοῦ ἁ. Προδρόμου*). Такимъ об-

1) Церковный уставъ, 267.

2) Migne, gr. 99, col. 1703.

1) А. Дмитріевскій, Описание, I, 228. — Сохранившійся соборный храмъ Студійскаго монастыря и въ настоящее время окруженъ садами.

разомъ, это было тоже хожденіе вокругъ монастыря. Выраженія Алексіева устава, вѣроятно, все передаютъ одинъ греческій терминъ, употребляемый и Ὑποτύπωσις'омъ, — περιουκλεύειν. Первая же редакція Ὑποτύπωσις'а даже совсѣмъ не полагаетъ крестнаго хода въ пасхальный понедѣльникъ, обратившаго такое вниманіе о. Лисицына.

2. Въ Благовѣщеніе Ὑποτύπωσις назначаетъ время крестнаго хода въ 6 часовъ передъ вечерней, но Алексіеву же уставу, «тогда какъ въ праздники недѣли Ваий и Пасхи литія совершается въ 2 часа, на Благовѣщеніе она указана въ 5-ть часовъ (237—238)». — Ὑποτύπωσις имѣетъ въ виду случай, когда Благовѣщеніе случится въ постъ и крестный ходъ онъ полагаетъ не предъ вечерней, а, какъ и обычно, предъ литургіей (γίνεται εἰσοδος καὶ λειτουργία τελεία¹⁾), соединяющей въ постъ съ вечерней, почему и оттягивается время хода. Въ Алексіевомъ уставѣ правило изложено подробнѣе: въ случаяхъ совпаденія названнаго праздника съ не-постными днями (воскресенье 40-цы, недѣля Ваий и т. п.) ходъ совершался въ 2 часа. Что касается разницы въ часѣ литіи для постныхъ дней (5 и 6), то въ Ὑποτύπωσις'ѣ она назначается не въ 6-ть часовъ, какъ утверждаетъ о. Лисицынъ, а въ шестомъ часу (ὡς ὥρα ἕκτη): въ Алексіевомъ уставѣ время обозначено — при 6-мъ часѣ, — вѣроятно, въ греческомъ оригиналѣ стояло — περί ὥραν πέμπτην, что можетъ означать и пять часовъ.

3. Въ службѣ пасхальнаго понедѣльника, по случаю постриженія братій, уставъ полагаетъ, «3 стихиры скимѣ на вечерни и канонъ на утрени». Въ Ὑποτύπωσις'ѣ упоминается о скимѣ, «о пѣніи стихиръ и канона не сказано ничего (курсивъ автора, 238)». — Такое упоминаніе есть лишь во второй редакціи Ὑποτύπωσις'а, первая же редакція совершенно умалчиваетъ даже и о схимѣ.

4. Уставъ на повечеріяхъ Свѣтлой седмицы предписываетъ

1) Тамъ же, 236.

произносить «Господи помилуй» 20 разъ, тогда какъ Ὑποτύπωσις всего лишь 12 (238). — Неизвѣстно, насколько правильно передать это мѣсто русскій переводчикъ. Въ другихъ случаяхъ повечерія по такому чину (напримѣръ, въ великую субботу) уставъ полагаетъ произносить «Господи помилуй» тоже 12 разъ (242, примѣчаніе 33).

5. На утрени Θομῖна понедѣльника Ὑποτύπωσις предписываетъ пѣть послѣ евангелія «вѣспойнѣніе(?)» Ἐν ταῖς νυξίν, не упоминаемое уставомъ (239). — Уставъ говоритъ объ этомъ подъ 8 сентября (см. выше).

6. Въ среды и пятки послѣ Пасхи Ὑποτύπωσις предписываетъ, будто бы, пѣть крестовоскресные каноны предъ воскресными, а уставъ наоборотъ (240). — О. Лисицынъ неправильно понялъ предписаніе Ὑποτύπωσις'а, касающееся лишь предваренія крестовоскресныхъ стихиръ (въ чемъ данный памятникъ съ уставомъ совершенно согласен), а не канонѣвъ. Вотъ текстъ правила (въ скобки взяты дополненія, сдѣланныя во второй редакціи Ὑποτύπωσις'а): Δεῖ εἰδέναι, ὅτι ἄχρι τῆς ἁγίας Ἀναλήψεως [προηγείται τριώδια ἀναστάσιμα τὸν τῆς ἡμέρας κανόνα, ὡσαύτως καὶ] στιχηρὰ ἀναστάσιμα προηγείται [τῶν λοιπῶν] στιχηρῶν[, παρεκτὸς τῶν σταυρωσίμων]. Какъ видимъ, послѣдняя оговорка касается лишь стихиръ.

7. На утрени недѣли 50-цы уставъ предписываетъ читать евангеліе (9-ое воскресное зачало), а Ὑποτύπωσις — пѣть (240). — По замѣчанію Дрезденскаго списка Устава Великой Церкви, въ XI в. это былъ, повидимому, обычай константинопольскихъ монастырей¹⁾.

8. Уставъ не содержитъ правила о поклонахъ въ Петровъ постъ, тогда какъ Ὑποτύπωσις назначаетъ ихъ въ общей суммѣ для всеѣхъ суточныхъ службъ до 211 (241). — Правила о поклонахъ, равно какъ и о трапезѣ, на данный постъ въ уставѣ предписываются, вѣроятно, какъ и въ Ὑποτύπωσις'ѣ, одинаковыя съ

1) А. Дмитриевскій, Древнѣйшіе патриаршіе тишконы, 343.

Филипповымъ постомъ, а на послѣдній уставъ назначаетъ, именно, 200 ежедневныхъ поклоновъ¹⁾. Въ передѣланномъ Алексіевомъ уставѣ Типографск. № 142, дѣйствительно, и говорится: «поклонянія же бывають въ постъ св. апостолъ на день и на ночь 200²⁾».

9. Уставъ не имѣеть «правила пѣть первый часъ вмѣстѣ съ прочими(?), когда поются три канонизмы и въ великую четыредесятницу (241)». — О. Лисицынъ невѣрно понялъ правило, говорящее о пѣніи 1-го часа въ общемъ собраніи монаховъ, а не вмѣстѣ съ прочими часами. Уставъ, именно, первое и предписываетъ. Вотъ текстъ спорнаго правила: «Γνωστέον, ὅτι ἡνίκα ψάλλομεν κανόνα, οἷον οὖν (οἰονοῦν,?) τὴν πρώτην ὥραν, ὁ καθείς ψάλλει λιτήν, ἐπότε δὲ τὰ τρία καθίσματα ψάλλομεν, τὸ Ψαλτήριον καὶ τὸ Τριώδιον, τὴν πρώτην ὁμοῦ πάντες συναγομένοι μετὰ καθίσμα(τος), ἀποδίδομεν τὴν θ'. (вѣроятно, θ') ὥραν. Ἐν δὲ τῇ μεγάλῃ τεσσαρακοστῇ καὶ κανὼν ἄν ψαλθῇ τὴν πρώτην ὁμοῦ πάντες³⁾). Текстъ правила, несомнѣнно, попорченъ.

10. Уставъ не имѣеть правила Ὑποτύπωσις'а читать по средамъ, пяткамъ и недѣлямъ 40-цы по утрени оглашенія св. Θεοδора (244). — Имѣеть, но только не для одной 40-цы, а на весь годъ, какъ это говорится и въ Ὑποτύπωσις'ѣ: *поученіа же сѣгаго оца нашего θεοδора. въ всу нѣ. пороздкноу ю чкгоутса. а въ прочаи нѣла. въ срѣ. и въ нѣ. по скончании оутрѣ⁴⁾. въ сѣмъ стоячелмъ. чкгоутса ѿ нгоумена. аще не клучитса нарочита сѣгаго памѣ. тѣгда во уставляютьса. такоже и в недѣлаа* (вторникъ Θομνннй седмицы⁴⁾). Ὑποτύπωσις: *Χρῆ γινώσκειν, ὅτι δ' καὶ παρασκευῆ καὶ κυριακῆ, τῶν ἀδελφῶν ἱσταμένων μετὰ πάσης εὐλαβείας, μετὰ τὴν ἀπόλυσιν τοῦ ὁρθρου ἀναγινώσκεται ἡ κατήχησις τοῦ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Θεοδώρου... Οὕτως καθόλου τοῦ ἐνιαυτοῦ⁵⁾.*

1) Горскій и Невоструевъ, Описание, III, 1, 268.

2) Л. 19 об. Ср. Мансветовъ, II, Уставъ, 386.

3) А. Дмитриевскій, Описание, I, 230.

4) Софійск. № 1136, л. 31 об.

5) А. Дмитриевскій, Описание, I, 231, примѣчаніе 7.

11. Уставъ не предписываетъ, противъ Ὑποτύπωσις'а, пѣть «по субботамъ вмѣсто экзаностиларія» стихъ: *Въ память вѣчную* (241). — Но о. Лисицынъ самъ же указываетъ (тамъ же, примѣчаніе 26), что такое предписаніе есть въ часословѣ Софійской бібліотеки № 1052, несомнѣнно, студійскомъ.

12. Уставъ ограничиваетъ правило Ὑποτύπωσις'а—въ 40-цу въ субботу на вечерніе воскресныя стихиры на *Господи воззвахъ* утroatъ, а хвалитныя воскресной утрени удвоить (248). — Правило данное Ὑποτύπωσις' а относится не къ одной 40-цѣ, а ко всему году и къ Господскимъ праздникамъ: *Χρῆ γινώσκειν, ὅτι τῷ σαββάτῳ εἰς τὸ Κύριε ἐκέκραξα τὰ ἀναστάσιμα στιχηρὰ τρισσεύονται, εἰς δὲ τοὺς αἶνους δυσσεύονται. Ὁμοίως καὶ ἐν ταῖς δεσποτικαῖς ἑορταῖς¹⁾.* Это правило и проводится уставомъ. Ограниченія найдены о. Лисицынымъ въ особенныхъ случаяхъ, когда на недѣлю падаетъ какая-либо великая память (Православія и т. п.): конечно, въ подобныхъ случаяхъ, въ виду пѣнія стихиръ и этой памяти, приведенное правило относительно воскресныхъ стихиръ во всей строгости исполняться не можетъ.

13. Уставъ не говоритъ, сравнительно съ Ὑποτύπωσις'омъ, объ употребленіи сыра, рыбы, яицъ и вина въ недѣлю Пасхи (256). — Говоритъ, но въ отдѣлѣ о великой субботѣ, гдѣ это мѣсто въ Синодальномъ уставѣ № 330 оказывается вытертымъ (260)²⁾.

14. Уставъ не содержитъ правила о пищѣ въ Петровъ постъ, тогда какъ въ Ὑποτύπωσις'ѣ подробно указаны кушанья въ этотъ постъ (256)». — Причина указана выше, подъ цифрой 7.

За исключеніемъ приведенныхъ мнимыхъ различій, другія, наиболѣе замѣтныя, отличія Алексіева устава отъ Ὑποτύπωσις'а, выставляемыя о. Лисицынымъ, суть слѣдующія:

15. Въ уставѣ пѣть правилъ Ὑποτύπωσις'а—о пѣніи на утренияхъ дней по Пасхѣ заупокойныхъ канонѣвъ въ субботы и въ случаяхъ памяти усопшихъ (240);

1) Тамъ же.

2) Горскій и Невоструевъ, Описание, III, 1, 262.

16. — о произнесеніи 12 разъ «Господи помилуй» послѣ чтенія на утрени (241);

17. — о чтеніи апостола въ субботы, недѣли и праздники (241);

18. — о каонизмѣ на 1 часѣ въ Петровъ постъ (240).

19. На утренияхъ въ 40-цу уставъ полагаетъ по 3 каонизмы, а Ὑποτύπωσις — 4 (244).

20. Уставъ запрещаетъ въ Филипповъ постъ въ памяти великихъ святыхъ употребленіе ящъ, сыра и рыбы, разрѣшаемыхъ Ὑποτύπωσις'омъ (257).

Но и эти отличія поддаются объясненіямъ. Отсутствие двухъ первыхъ правилъ можно объяснить пропускомъ. Третье правило передано о. Лисицынымъ невѣрно: Δεῖ εἰδέναι, ὡς καθ' ἕκαστον σάββατον καὶ κυριακήν, ὅτε οὐκ ἔστιν ἐν αὐταῖς, ἤτοι ἐορτῇ δεσποτικῇ, ἢ μνήμῃ ἁγίου, τὸν ἀπόστολον ἀναγινώσκωμεν¹⁾. Очевидно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ апостольскихъ литургійныхъ зачалахъ. По связи рѣчи, дѣло идетъ, повидимому, о чтеніяхъ на утрени: по іерусалимскому уставу такое чтеніе апостола полагается на бдѣніи между вечерней и утреней. Патриархъ Алексій опускаетъ данное правило, быть можетъ, потому, что въ Студійскомъ монастырѣ измѣнилась система чтеній. Но, быть можетъ, оно говоритъ о чтеніи не самаго текста апостольскихъ посланій, а толкованій на нихъ: такія чтенія есть и въ Алексіевомъ уставѣ²⁾. 4-ое и 5-ое отличія можно объяснить измѣненіемъ студійской практики, причемъ относительно 1-го часа правило передано у славянскаго переводчика неудобовразумительно; его можно понимать и въ смыслѣ предписанія Ὑποτύπωσις'а: поютъ же сѣ. и чѣ. съ пѣнникомъ патрѣ. г. и. ѓ. и. ѣ. разнѣ. ѣ. го. чѣ. поктѣвосѣ съ заутрянью. по. г. пѣнны. прѣ. же нго поктѣ. вез гла^{ca}. а прочіи. чѣ. прѣ. съ гла. Оговорку о первомъ часѣ можно понимать не въ смыслѣ его свободы (χωρίς) отъ псалтирнаго пѣнія, а такъ, что онъ лишь поется отдѣльно (χω-

1) А. Дмитриевскій, Описание, I, 230.

2) Горекій и Певоструевъ, Описание, III, 1, 247.

ριστός) отъ прочихъ 3-хъ часовъ, вмѣстѣ съ заутреней. За возможность такого пониманія оговорки стоитъ слѣдующее за ней предложеніе, служащее ей какъ бы обоснованіемъ (поктѣвосѣ съ заутрянью) и поясняющее, именно, отдѣльное совершеніе въ Петровъ постъ перваго часа отъ прочихъ часовъ, которые тогда, по уставу, совершаются почти непрерывно, одинъ за другимъ, — третій въ началѣ 2-го часа дня, шестой въ началѣ 3-го, а девятый — непосредственно послѣ сопровождающей шестой часъ литургіи. Съ другой стороны, данной оговоркѣ, если бы она относилась къ псалтири, мѣсто скорѣе подходило бы послѣ словъ — съ пѣнникомъ патрѣ. Впрочемъ, быть можетъ, въ греческомъ оригиналѣ Алексіева устава касательно псалтири на первомъ часѣ была сдѣлана поправка въ смыслѣ исключенія его изъ общаго правила. Наконецъ, болѣе строгое соблюденіе Филиппова поста въ Алексіевомъ уставѣ вызвано, несомнѣнно, усилившеюся строгостію этого поста въ византійскомъ обществѣ: редакторъ знаетъ прежній снисходительный обычай, но рѣшительно отмѣняетъ его въ виду того, что уже большинство мірянъ оставили его, — скръь сурѣо и инце. никнннмъже образъмъ. въ всѣхъ тѣхъ постѣхъ. ни единомууже инокоуцинику ꙗсти. нгда множаншеи ѿ вѣлѣцк. въ то врѣмя таковаа хранати¹⁾.

Вмѣстѣ съ сокращеніемъ различій между Ὑποτύπωσις'омъ и Алексіевымъ уставомъ можно было бы увеличить число совпадений между ними, не отмѣченныхъ о. Лисицынымъ: послѣдній на стр. 351 самъ признаетъ болѣе широкое сходство и совпаденіе разсматриваемыхъ памятниковъ, когда говоритъ, что «студійскіе богослужебные порядки выражены» въ уставѣ «не въ видѣ однихъ общихъ формулъ, но въ видѣ цѣлыхъ службъ съ подробнымъ указаніемъ литургическаго строя на каждый день». Но и изъ разсмотрѣнныхъ, наиболѣе замѣтныхъ, разногласій можно видѣть, насколько невелико различіе между этими памятниками.

1) Тамъ же, 259.

Другія отличія Алексіева устава отъ студійскихъ обычаевъ, выставляемыя о. Лисицынымъ, подмѣчены имъ такъ же неудачно, какъ и разобранныя выше.

Авторъ указываетъ (253) на преобладаніе въ мѣсяцесловахъ списковъ Алексіева устава памятей Великой Церкви предъ студійскими: на общее число памятей — 400 слишкомъ первыхъ, по подсчету самого о. Лисицына, приходится 21, вторыхъ же лишь 8. — Съ одной стороны, авторъ не показываетъ, что въ Студійскомъ уставѣ половины XI в. специально студійскихъ памятей должно быть больше, а съ другой, онъ не приводитъ списка подсчитанныхъ имъ памятей Великой Церкви. На стр. 219 онъ даетъ любопытный образчикъ своего выбора памятей Великой Церкви изъ Алексіева устава: къ нимъ оказываются отнесенными и общецерковныя (11 октября—7-го всел. соб., воскресенье послѣ 11 июля — 4-го соб.), и обще-константинопольскія (27 января — возвращеніе мощей Златоуста, и др.) памяти.

О. Лисицынъ, далѣе, отмѣчаетъ, что память преп. Θεодора Студита (11 ноября) въ Алексіевомъ уставѣ, подобно тому, какъ и въ другомъ ктиторскомъ уставѣ — Евергетидскомъ, стоитъ на второмъ мѣстѣ послѣ мч. Мины, Виктора и Викентія (255): авторъ, какъ будто, полагаетъ, что въ Студійскомъ уставѣ она должна была бы стоять на первомъ мѣстѣ. Предположеніе совершенно ошибочное: имена позднѣйшихъ святыхъ въ мѣсяцесловахъ обычно приписываются послѣ древнѣйшихъ, большинство коихъ составляютъ мученики.

Авторъ приводитъ, затѣмъ, изъ Погодинскаго устава № 284 рядъ студійскихъ правилъ (262, 274—277), касающихся главнымъ образомъ нищѣ и отчасти богослуженія въ великій постъ, дѣйствительно, по своей строгости сильно расходящихся съ Алексіевымъ уставомъ и приближающихся къ іерусалимскимъ обычаямъ. — Авторъ упустилъ изъ виду, что данныя правила, рѣзко расходясь съ Алексіевымъ уставомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, расходятся, и даже еще въ большей степени, съ Ὑποτύπωσις'омъ, между тѣмъ какъ выше (стр. 258) онъ самъ же призналъ между

последнимъ и уставомъ по данному предмету большое сходство. Указанное выше разногласіе объясняется просто: въ уставѣ № 284 использована редакція устава св. Афанасія Высотскаго съ ея студійскими правилами, относящимися уже къ болѣе поздней практикѣ Студійскаго монастыря, когда онъ переходилъ, быть можетъ, къ іерусалимскому уставу, о чемъ было сказано выше. Всѣ приведенныя у о. Лисицына правила «изъ Типикона, представляющаго изъ себя сводку правилъ изъ разнаго рода Типиконовъ (262)», читаются въ до-никоновскихъ печатныхъ изданіяхъ церковнаго устава.

О. Лисицынъ, потомъ, указываетъ въ Алексіевѣ уставѣ «обычай, прямо *исключающіе* (курсивъ автора) студійскую практику, которой часто противопоставляется и *предпочитается* (курсивъ автора) практика Великой Церкви (268)». Первымъ такимъ случаемъ, гдѣ «составитель Устава прямо игнорируетъ порядки Студійскаго монастыря и отдаетъ *предпочтеніе* (курсивъ автора) обычаямъ Великой Церкви», является чинъ умовенія ногъ въ великій четвертокъ, положенный въ Алексіевомъ уставѣ до литургіи согласно практикѣ Великой Церкви, а не послѣ нея, какъ это было въ Студійскомъ монастырѣ. Текстъ Алексіева устава не содержитъ ничего подобнаго «игнорированію»: патриархъ Алексій сообщаетъ о практикѣ Студійскаго монастыря; измѣняя её, онъ приводитъ и обширную (въ Софійскомъ уставѣ № 1136, напримѣръ, она занимаетъ около 60 строкъ при форматѣ рукописи въ малый листъ) мотивировку своего поступка, гдѣ онъ выставляетъ въ свою защиту авторитетъ Евангелія и св. Космы Маюмскаго, повѣстующихъ о совершеніи умовенія ногъ до Тайной вечери, т. е. до Евхаристіи. Если патриархъ Алексій не слѣдуетъ въ данномъ случаѣ практикѣ «благочестнаго», какъ онъ здѣсь выражается, Студійскаго монастыря, то только потому, что не знаетъ, *ἄν κὼς οὕτω καὶ κὼς ἄν κὼς* ради книги послѣдній переають по сцінолоу ташнствоу (т. е. послѣ Евхаристіи) се съвършати (268). — Второй случай предпочтенія практики Великой Церкви практикѣ Студійскаго монастыря авторъ видитъ въ предписаніи

Алексіева устава пѣть утренній прокимень великой субботы — *Воскреси Господи Боже мой* на 6-ой гласъ (268). На непредубѣжденный взглядъ, патріархъ Алексій въ данномъ случаѣ прямо слѣдуетъ студійской практикѣ, гдѣ, по словамъ патріарха, въ великую субботу названный прокимень пѣлся, именно, на 6-ой гласъ, тогда какъ въ остальное время года онъ тамъ пѣлся на 5 или 7 гласъ. Практика Великой Церкви, по сообщенію Алексія, была противоположной: въ великую субботу она пѣла указанный прокимень 7-мъ гласомъ, въ году же постоянно — 6-мъ. Причину такого различія патріархъ видитъ въ томъ, что въ Студійскомъ монастырѣ въ великую субботу единственный разъ въ году «гѣвчески» пѣлось великое славословіе. По мнѣнію о. Лисицына, патріархъ Алексій, предписывая въ своемъ уставѣ пѣть прокимень на 6-ой гласъ въ великую субботу, слѣдуетъ не Студійскому монастырю, а Великой Церкви: по его объясненію, «въ Алексѣевскомъ монастырѣ славословіе великое пѣлось *не одинъ разъ* (курсивъ автора) въ году», какъ это было въ Студійскомъ монастырѣ. «Поэтому естественнѣе видѣть и въ пѣніи прокимна 6-мъ гласомъ влияние практики Великой Церкви, гдѣ *Воскреси Господи Боже мой всегда* (курсивъ автора) пѣлось на *шестой* (курсивъ автора) гласъ, какъ положено его пѣть въ данномъ случаѣ и здѣсь, а не влияние практики Студійскаго монастыря, гдѣ въ великую субботу этотъ прокимень пѣлся во гласъ 6-й по *исключенію* (курсивъ автора)». Авторъ считаетъ несомнѣннымъ, что монастырь патріарха Алексія въ пѣніи прокимна въ году слѣдовалъ практикѣ Великой Церкви, но патріархъ объ этомъ совершенно не говоритъ, а о. Лисицынъ, въ свою очередь, этого не доказываетъ; во-вторыхъ, авторъ не объясняетъ, почему Алексіевъ монастырь упорно сохраняетъ годовичную практику Великой Церкви и въ великую субботу, когда сама Великая Церковь эту практику отмѣняетъ: можно, вѣдь, оставаясь при объясненіи о. Лисицына, причину отсталости въ данномъ случаѣ Алексіева монастыря увидѣть въ томъ, что патріархъ Алексій, сохраняя обычный гласъ Великой Церкви,

хотѣлъ въ знаменательный день остаться вѣрнымъ исключительно обычаю своего родного, Студійскаго, монастыря. Натянутость, искусственность, запутанность такого толкованія о. Лисицына и обоснованіе его посредствомъ недоказаннаго положенія — лучшіе признаки его слабости. — Третій случай предпочтенія практики Великой Церкви предъ студійской авторъ усматриваетъ въ службѣ 13 сентября, гдѣ патріархъ Алексій вмѣсто студійскаго обычая пѣть на утрени *аллилуія* устанавливаетъ согласно съ **сѣворычымъ правилымъ** (т. е., по толкованію о. Лисицына, Великой Церкви) — *Богъ Господь*. Авторъ, во-первыхъ, слишкомъ смѣло истолковалъ терминъ устава патріарха Алексія — «соборный» въ томъ смыслѣ, какъ онъ употребляется въ позднѣйшей литургической литературѣ, т. е. отнесъ его къ Великой Церкви. Во-вторыхъ, онъ неправильно понялъ слѣдующее дальше въ Алексіевомъ уставѣ объясненіе указаннаго измѣненія, а отсюда невѣрно взглянулъ и на послѣднее. Вотъ его пошманіе мотивировки и подлинный текстъ устава.

Уставъ.

На оутрѣни по ѿѣ. аще ма-
настырь стоудинскыи имать
обычани аллюю пѣти и трончна.
нъ мѣ чакмаго ради праздни-
ника. въсоты вѣ гъ оуста-
вляемъ пѣти и трѣ... Се же
и подобнѣншаа ради вингы
оуставакно вѣ. понеже всегда
иногда. югда же празднигы
въываетъ. праздникство имѣа
часомъ и клананію. на ве-
черни дневныи прѣ. а на
оутрѣни. вѣ гъ съ трирмъ
 праздника югда ли не воудеть
 праздника. и на вечерни и на
заоутрѣни. аллюа поетса. на

О. Лисицынъ.

«Въ этотъ день Студійскій
монастырь имѣлъ обыкновеніе
пѣть аллюю (т. е. аллилуія) и
трончна. нъ мѣ, говоритъ
авторъ Устава, чакмаго ради
 праздника въсоты. вѣ гъ
оуставляемъ пѣ и далѣе
объясняетъ, что въ данномъ
случаѣ практикѣ (т. е. пра-
вильнѣе) воуде. сѣворычымъ
 правилымъ (т. е. *Великой
 Церкви*, курсивъ автора) оуста-
 вляа и на оутрѣни. вѣ гъ.
 пѣти. съ трѣмъ праздни. За-
 тѣмъ (?) составитель Устава
указываетъ, что и всегда, когда

вечерни и сѣе дневныи поются прѣдмѣ¹⁾. правдыи²⁾ воудеть сворныи³⁾ правилъи⁴⁾ оуставлаи⁵⁾ и на оутрныи вѣ гѣ сѣ трѣ⁶⁾ праздныи⁷⁾ пѣти⁸⁾).

бываетъ праздникъ и братія освобождается отъ часовъ и поклоновъ, слѣдуетъ пѣть на вечерни дневной прокимень, а на утрени **Богъ Господь**. Здѣсь же можно видѣть и другое(?) предпочтеніе обычаю Великой Церкви предъ Студійскимъ. **Югда** праздникъ⁹⁾ вываеъ, говоритъ авторъ Устава, праздниество имѣи часомъ и кампанно. на вечерни дневныи прѣ. а на оутрныи. вѣ гѣ. сѣ трѣ¹⁰⁾ праздника. югда ли не воудеть праздника. и на вечерни и на заоутрныи. аллуа поются. на вечерни, прибавляетъ авторъ, нсѣе (т. е. и здѣсь) дневныи поются прѣмѣ¹¹⁾. правдыи¹²⁾ воудеть сворныи¹³⁾ правилъи¹⁴⁾ оуставлаи¹⁵⁾ (подразумѣвается слѣдовать?). Такимъ образомъ, и здѣсь(?) составитель Алексѣевского Устава, указавъ на студійскую практику, по которой не въ праздникъ на вечернѣ пѣли вмѣсто дневнаго прокимна «аллилуіа», говоритъ, что онъ считаетъ, однако, болѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ(?) слѣдовать правиламъ Великой Церкви и пѣть вмѣсто «аллилуіа» дневной прокимень(?)»²⁾.

1) Софійск. № 1136, л. 54 об.

2) Стр. 269—270.

О. Лисицынъ не въ состояніи будетъ указать ни въ одномъ изъ греческихъ списковъ Устава Великой Церкви того правила о соотношеніяхъ вечернихъ прокимна и «аллилуіа» съ утренними «Богъ Господь» и троицами, какое онъ здѣсь ему приписываетъ, потому что это обычай не—Великой Церкви. Патриархъ Алексій здѣсь просто сообщаетъ наблюденіе надъ излагаемымъ имъ уставомъ, который въ случаяхъ пѣнія на вечернѣ прокимна, предписываетъ на утрени другого дня пѣть *Богъ Господь*: 13-ое сентября въ Студійскомъ уставѣ было исключеніемъ изъ этого правила, когда на вечернѣ пѣлся прокимень, а на утрени — «аллилуіа», — патриархъ исправляетъ такую ненослѣдовательность и подводитъ это исключеніе подъ общее правило. **«Югда и югда»** — имѣеть въ виду подобные случаи въ самомъ Алексіевомъ уставѣ. Указанное правило о соотношеніяхъ, несомнѣнно, студійское. Слѣды его находятся въ первой редакціи Ὑποτύπωσις'a: тамъ на вечерняхъ всѣхъ дней 50-цы предписывается пѣть прокимны, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняются пѣніе часовъ и поклоны въ церкви, — быть можетъ, въ эти дни пѣлось и *Богъ Господь*. Смутившее о. Лисицына «сѣворное правило» Алексіева устава, вѣроятно, просто переводъ греческаго — συναξάριον. О. Лисицынъ, кромѣ того, что невѣрно понялъ обоснованіе разсмотрѣннаго правила, увидѣлъ въ этомъ обоснованіи другое правило о пѣніи въ будничные дни по Уставу Великой Церкви вмѣсто «аллилуіа» прокимна, о чемъ тамъ совсѣмъ не говорится.

Далѣе, о. Лисицынъ указываетъ (271) «нѣсколько случаевъ разительнаго несовпаденія между Алексіевымъ уставомъ и практикой Студійскаго монастыря». Во-первыхъ, будто бы, «въ Еврегетидскомъ монастырѣ, согласно съ уставомъ св. Θεοδώρα Студита, пѣли въ богородичные праздники, совпадавшіе съ днями воскресными, *степенны гласа* (курсивъ автора), а въ честь Пресвятой Богородицы читали только Евангеліе (*προκείμενον δὲ καὶ... εὐαγγέλιον ἑωθινὸν τῆς Θεοτόκου μόνα*. Οὕτω γὰρ διατάξατο ὁ Στουδίτης ποιῆν). Наоборотъ, нашъ уставъ говоритъ слѣдующее: **лире ли вѣ пѣ. праздникъ настанеть. степеннаа не поются**

того гла». Указанное мѣсто изъ Еврегетидскаго устава читается такъ: μετὰ τὴν ἀνάγνωσιν, οἱ ἀναβαθμοὶ τοῦ ἤχου, τὰ γ'. ἀντίφωνα, προκείμενον δὲ, καὶ Πᾶσα πνοή, καὶ εὐαγγέλιον ἑωθινὸν τῆς Θεοτόκου μόνα. Οὕτω γὰρ διατάξατο ὁ Στουδίτης ποιεῖν καὶ εἰς ταύτην ἑορτὴν τῆς Θεοτόκου, καὶ εἰς τὴν Ὑπαπαντήν, καὶ τὴν Κοίμησιν καὶ εἰς τὸν Εὐαγγελισμόν. Καὶ τοῦτο, εἰ μὴ τύχη ἢ κυριακὴ τῶν Βαίων, ἐν ταύτῃ γὰρ προτιμᾶται τὸ εὐαγγέλιον τῶν Βαίων, εἰς δὲ τὰ Ἅγια τῶν Ἁγίων (т. е. 21 ноября), τὸ ἀναστάσιμον προτιμᾶται, εἰ τύχη εἰς κυριακὴν¹⁾. Совершенно ясно, что оговорка о Студійскомъ уставѣ не затрогиваетъ степеннъ, чтò усматривается о. Лисицынымъ, а относится лишь къ чтенію богородичнаго евангелія, которое только одно (безъ замѣны или прибавки къ нему еще воскреснаго) въ перечисленной части богородичныхъ праздникоуъ и полагается совершенно согласно обоими уставами. — Во-вторыхъ, по тому же, будто бы, уставу, Студійскій уставъ въ навечеріе Рождества Христова, случающееся въ субботу или недѣлю, вмѣсто полной трапезы по литургіи указываетъ лишь преломленіе въ притворѣ, между тѣмъ какъ Алексіевъ уставъ въ данномъ случаѣ назначаетъ трапезу, гдѣ дается сочиво варено и хлѣба по единой части пьютъ же и по чашѣ единой (272). — Авторъ понялъ въ противоположномъ смыслѣ мѣсто Еврегетидскаго устава, которое не предписываетъ слѣдовать Студійскому уставу, а, напротивъ, запрещаетъ поступать по обычаю этого монастыря — отправляться въ названномъ случаѣ на трапезу и ѣсть тамъ сочиво безъ масла и овощей: μετὰ τὴν τῆς πρωίας λειτουργίαν, οὐκ ἀπερχόμεθα ἐν τῇ τραπέζῃ κατὰ τὸν τύπον τοῦ Στουδίτου, ἐσθιοντες ὄσπριον ἐκζεστόν ἀνευ ἐλαίου καὶ ὀπώρας, ἀλλὰ ἐν τῷ νάρθηκι μετὰ τὸ φαγεῖν τὸ κατακλαστόν καὶ διακλύσασθαι ἀπὸ τῆς ἀγίας δωρεᾶς, διανέμει ὁ κελλαρίτης πᾶσι πρὸς ἐν τεμμάχιον ψωμοῦ, ὁμοίως δὲ καὶ πρὸς ἐν βαυκάλιον οἴνου²⁾. Обычай, котораго держался въ данномъ случаѣ

1) А. Дмитриевскій, Описание, I, 265.

2) Тамъ же, 355.

Еврегетидскій монастырь, не—студійскій, а іерусалимскій, отвергаемый же имъ студійскій обычай и уставъ патріарха Алексія совершенно согласны.

Наконецъ, о. Лисицынъ приводитъ случаи (277—278) «противоположности» между Алексіевымъ и Студійскимъ уставами въ чисто студійскихъ службахъ. Такъ, 7 декабря въ Студійскомъ монастырѣ полагалась служба по утопшимъ въ морѣ братьямъ, въ Алексіевомъ же монастырѣ назначается на этотъ день по празднику св. Николаю и память св. Амвросія Медіоланскаго. 1 сентября Алексіевъ уставъ студійскую память мчч. Ермогена, Евода и Калиста ставитъ послѣ изложенія службы на это число и не вноситъ въ послѣднюю никакихъ пѣснопѣвій этимъ святымъ. — Требованіе о. Лисицына, чтобы монастырь патріарха Алексія исполнялъ всѣ особенности Студійскаго устава, даже имѣющія чисто мѣстное значеніе, нельзя не назвать излишне придирчивымъ. Для выясненія происхожденія текста Алексіева устава въ высшей степени важно, что его редакторъ не выбрасываетъ изъ него мѣстнаго студійскаго элемента: 7 декабря его уставъ излагаетъ сполна и на первомъ мѣстѣ службу по утопшимъ и только послѣ этого дѣлаетъ оговорку о практикѣ своего монастыря; 1 сентября онъ, хотя и не даетъ службы мученикамъ, но указываетъ общій ея составъ: **и сѣ оубо ксть оуставъ студинскаго монастыря. поне (ѣти?). въ тѣхъ дѣхъ. памѣ творимъ стѣхъ мѣхъ. ермогена. евода. и калиста. положены же въкша тѣхъ мощи. въ монастыри стѣхъ. подобакъ и тѣхъ праздновати памѣ и пѣти стира и сѣ. тѣхъ и канонъ¹⁾**. Въ службѣ св. Θεодора Студита (11 ноября), которую о. Лисицынъ считаетъ исключеніемъ по сохранности въ Алексіевомъ уставѣ, патріархъ Алексій не только не выбрасываетъ упоминанія о литіяхъ, которыя совершались на вечерахъ и утрени этого дня въ Студійскомъ монастырѣ у гроба прендобнаго, но даже устанавливаетъ точно такія же литіи и въ собственномъ

1) Горскій и Невоструевъ, Описание, III, 1, 249.

монастырѣ, въ притворѣ св. Алексія. Обращая все свое вниманіе на различіе между Алексіевымъ и Студійскимъ уставами, о. Лисицынъ пишетъ: «изъ этого мѣста (объ 11 ноября), какъ и изъ другихъ ему подобныхъ видно, что авторъ устава приводитъ замѣчаніе о студійской практикѣ понутно». Но можно на указанныхъ мѣста Алексіева устава взглянуть и иначе: именно, можно предположить, что патріархъ Алексій при составленіи устава для своего монастыря имѣлъ уже готовый, имъ же составленный богослужебный типиконъ Студійскаго монастыря: какъ мы видѣли, въ предисловіи къ синаксарю изъ Типографскаго устава № 144 говорится о преподобныхъ отцахъ, поручившихъ составителю устава эту работу, въ переходѣ отъ тріодной къ минейной части устава упоминается тоже о какой-то заповѣди. Возможно, что подобный типиконъ, составленный въ годы своего епископства въ Студійскомъ монастырѣ, Алексій, будучи уже патріархомъ, старался только приспособить къ своей обители посредствомъ оговорокъ, нѣкоторыхъ измѣненій и вставокъ, отчасти, быть можетъ, дѣлавшихся на поляхъ рукописи: съ такой точки зрѣнія понятно, почему онъ оставилъ неприкосновенными службы 11 ноября и 7 декабря. Напротивъ, при взглядѣ о. Лисицына на Алексіевъ уставъ совершенно непонятно, зачѣмъ патріархъ вноситъ въ него студійскія особенности и даже цѣлыя службы, совершеніе коихъ въ своемъ монастырѣ онъ потомъ отмѣняетъ?

Доказательства двухъ остальныхъ видовъ, приводимыя о. Лисицынымъ въ пользу своего пониманія компилятивности Алексіева устава по убѣдительности не превосходятъ разобранныя выше. Въ ряду источниковъ, использованныхъ патріархомъ Алексіемъ въ его уставѣ, о. Лисицынъ на первомъ мѣстѣ ставитъ Уставъ Великой Церкви: онъ утверждаетъ, что, отдавая «въ общежительной части предпочтеніе строю жизни, заведенному въ Студійскомъ монастырѣ св. Θεодоромъ Студитомъ», «въ богослуженіи... составитель устава отдастъ предпочтеніе практикѣ Великой Церкви, „какъ всего закона честнѣйшей“ (279)».

Отношенію Алексіева устава къ Уставу Великой Церкви авторъ посвящаетъ отдѣльную главу (II, 209—235), гдѣ онъ указываетъ присутствіе въ Алексіевомъ уставѣ обычаевъ и чиновъ, принадлежащихъ, по его мнѣнію, Великой Церкви, значительная часть коихъ была перечислена имъ уже раньше въ рѣчи объ Уставѣ Великой Церкви на Руси. Такимъ образомъ, влияніе даннаго устава на Алексіевъ, по наблюденію о. Лисицына, сказалось не столько въ усвоеніи послѣднимъ основныхъ сторонъ перваго, сколько въ заимствованіи частныхъ, иногда даже довольно мелкихъ. И здѣсь авторъ не доказываетъ ни принадлежности всѣхъ приводимыхъ имъ обычаевъ и чиновъ Великой Церкви, ни исключительной возможности перенесенія ихъ въ Алексіевъ уставъ какъ только чрезъ посредство ея устава и не къмъ-либо другимъ, а именно его составителемъ, патріархомъ Алексіемъ. О. Лисицынъ, повидимому, считаетъ все это несомнѣннымъ, тогда какъ Алексіевъ уставъ, за рѣдкими исключениями (напримѣръ, о совершеніи умовенія ногъ въ великій четвертокъ до литургіи, о пѣніи тропарей при воздвиженіи креста по обычаю Великой Церкви), подобныхъ предположеній во всей ихъ широтѣ не подтверждаетъ. Отсюда доказательство о. Лисицына страдаетъ двоякою слабостію: въ немъ выводъ опирается на рядъ недоказанныхъ фактовъ и предположеній, и, кромѣ того, въ его построеніи чувствуется логическій кругъ, — «компилятивность» Алексіева устава (209) подтверждается мыслью о внесеніи, именно, патріархомъ Алексіемъ въ его уставъ обычаевъ и чиновъ Великой Церкви (279), а эта мысль, въ свою очередь, основывается на предположеніи, что названный патріархъ не просто передѣлалъ свой уставъ изъ Студійскаго, но составилъ его самъ изъ различныхъ источниковъ. Присутствіе въ Алексіевомъ уставѣ обычаевъ и чиновъ Великой Церкви, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, кои, по свидѣтельству устава, внесены его составителемъ, можно просто объяснить тѣмъ, что они перешли туда вмѣстѣ съ Студійскимъ уставомъ. Заимствованіе Студійскимъ монастыремъ богослужебныхъ обычаевъ патріар-

шаго храма своего церковнаго округа совершенно естественно: вѣдь, заимствовали же палестинскія обители въ свой уставъ множество обычаевъ своего патриаршаго храма Воскресенія въ Иерусалимѣ. Памятники Студійскаго устава свидѣлствуютъ о подобныхъ заимствованіяхъ еще до патриарха Алексія. Самъ же о. Лисицынъ на стр. 271 (примѣчаніе 118) своего труда приводитъ сообщеніе Алексіева устава о заимствованіи еще св. Теодоромъ Студитомъ отъ Великой Церкви порядка созыва братіи къ утрени. Во второй редакціи 'Υποτύπωσις'а о литургіи въ Пасху говорится: Δεῖ εἰδέναι, ὅτι εἰς τὴν θείαν λειτουργίαν τὰ κατὰ συνήθειαν φελλόμενα ἀντίφωνα τὸ: Εὐλόγει ἡ ψυχὴ μου τὸν Κύριον καὶ τὰ ἑξῆς: οὐ λέγομεν, ἀλλὰ μᾶλλον τὰ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας παραδεδομένα (ср. у о. Лисицына, 217¹).

Кромѣ заимствованій изъ Устава Великой Церкви, о. Лисицынъ находитъ въ Алексіевомъ уставѣ указанія на пользованіе его составителемъ еще другими уставами. При внимательномъ разсмотрѣніи всѣ такія указанія оказываются недоразумѣніями. Первое изъ нихъ — предвѣсаніе Алексіева устава о трапезѣ въ Филипповъ постъ (262): «изложивъ, пишетъ о. Лисицынъ, праздничныя блюда Филипповскаго поста, авторъ Алексіевскаго устава замѣчаетъ, что по *другому Уставу* (курсивъ автора) полагается вариво *рекъше съ зелнѣмъ и съ маслѣмъ дрѣвнѣмъ, осочиво же варено безмасла. и да вѣкъшають въ не кропъ търень. нъ ѡко ветъхъ ксть оуставъ съ и съкъше намъ ѡ оцѣ прѣданъ ксть*». — Въ полномъ видѣ данное мѣсто Алексіева устава читается такъ: *И въ постъ стго филиппа. въ соутъ и нѣ. и въ прѣдънѣ. да поставляються такова брашна линхоумъ. ѡже оуже речена соутъ (именно: брашна. ѣ. кдино съ зелнѣмъ. а другою съ сочнѣмъ. оустроено овок съ дрѣвнѣмъ маслѣмъ и съ лоубѣмъ. довѣльно и съ зелнѣмъ. ѡко съ кропѣмъ и чаврѣмъ. или иного нѣкоко таково) и да ѣдатъ двонци днѣ. и оурочьнѣна чашѣ да вѣкъшають. три на*

1) А. Дмитриевскій, Описаніе, I, 227.

овѣдѣ. по дѣвѣ же на вечерн. а въ прѣдѣ днѣ да ѣдатъ кдино. и по коньчаннн вечерна. по другоуму оуставу. и да наставнтьса вариво и проч.¹). Ясно, что выраженіе — по *другому оуставу* совершенно не предполагаетъ какого-либо особеннаго и иного устава, а говоритъ лишь объ иномъ, отличномъ отъ праздничнаго, расписаніи будничной трапезы въ Филипповъ постъ: оно является, вѣроятно, переводомъ греческаго — *κατὰ τὸν ἄλλον τύπον*, т. е., въ болѣе точномъ переводѣ — «по другому образу». Выраженіе же — *ветъхъ ксть оуставъ съ и съкъше намъ ѡ оцѣ прѣданъ ксть*» станетъ вполне понятнымъ, если мы обратимся къ слѣдующему мѣсту 'Υποτύπωσις'а: «въ 40-цу св. апостоловъ (въ которую дѣйствовали относительно пищи одинъ уставъ съ Филипповымъ постомъ)... ѣдимъ въ 9 часовъ два кушанья — зелень съ масломъ и горохъ безъ масла... Въ дни же нерабочіе (въ которые мы назначили ѣсть сыръ и прочее), вкусная пища въ шесть часовъ, пьемъ три чаши и вечеромъ двѣ чаши²)». Такимъ образомъ, въ дѣйствительности Алексіевъ уставъ ссылается на древній памятникъ Студійскаго устава: правда, въ будничные дни Филиппова поста онъ назначаетъ одну, а не двѣ, какъ это дѣлается 'Υποτύπωσις'омъ, трапезы, но это, вѣроятно, стоитъ въ связи съ усиленіемъ строгости въ соблюденіи названнаго поста. — Второй случай ссылки Алексіева устава на иные уставы о. Лисицынъ видитъ въ предписаніи его о навечерницѣ: *кгда поѣтъ въ гѣ. то ѡ живѣн въ помощи навѣрница поѣтъ. ѡкляюцѣмъса днѣмъ пасхы. тьгда во ѡ поинѣ антипа до вѣтернѣ. ѣ. нѣ. аще и въ гѣ поѣтъ, нъ навѣрница всѣа цѣла вѣкаѣ по другоуму оуставу*. И здѣсь послѣднее выраженіе, вѣроятно, имѣетъ подъ собою тотъ же греческій оригиналъ, что и въ первомъ случаѣ, и означаетъ лишь, что указанные дни 50-цы являются исключеніемъ изъ общаго правила о навечерницѣ: оно имѣетъ

1) Горскій и Невострусевъ, Описаніе, III, 1, 259.

2) Творенія св. Θεοδώρα, русск. пер. II, 1908, стр. 827.

въ виду предписаніе, съ одной стороны 'Υποτύπωσις'а — съ по-
 недѣльника Антипасхи «повечеріе совершаемъ сполна¹⁾», а съ
 другой — Алексіева устава — навечерница же ѿ поѣдника.
 антипасхѣ. до вознесенія. исплънѣ покетъ рекъше. по. ѿ.
 ψαλλѣ. а прочая по обычаю²⁾. — Наконецъ, третье мѣсто,
 приводимое о. Лисицынымъ, — изъ главы «объ избраніи игу-
 мена», гдѣ «авторъ Алексѣевского Устава ссылается на порядки
 Русской обители и, слѣдов., ея Устава. Говоря о томъ, что из-
 браннаго въ игумены должно поучать како подобаетъ дѣи то-
 лико застоупати, авторъ устава добавляетъ: снѣ же (т. е. игу-
 менскій искусъ) происходити словѣмъ обычаа да не къгда
 игуменствѣ ни на прѣданнѣ. ни иномоу комуу даемоу.
 нко же и къ роудиннѣ. а ни къ монастыри оутверднса вѣтн». —
 Здѣсь или въ Синодальномъ уставѣ № 330, откуда о. Лиси-
 цынъ приводитъ данную выдержку, ошибка, или чтеніе автора
 не вѣрно. Нужно читать — къ роудиннани въ монастыри:
 въ другомъ спискѣ той же бібліотеки, № 905, читается —
 в роуфиннани. Такимъ образомъ, дѣйствительный смыслъ дан-
 наго мѣста совершенно противоположный сравнительно съ пони-
 маніемъ его у о. Лисицына: порядки «Русской» (? ἐν Ῥουφι-
 νιαῖς) обители не рекомендуются патриархомъ Алексіемъ, а
 отвергаются, какъ дурной обычай.

Сходство, устанавливаемое о. Лисицынымъ между Але-
 ксѣевымъ и другими ктиторскими уставами, двойное: по его
 наблюденію, съ одной стороны, ктиторскіе уставы, подобно Але-
 ксѣеву, также содержатъ студійскіе обычаи, а съ другой —
 Алексіевъ уставъ имѣетъ всѣ особенности ктиторскихъ уставовъ —
 общепринятый порядокъ богослуженія, замѣствованія изъ дру-
 гихъ уставовъ и свои мѣстныя ктиторскія особенности. Сходство
 въ первомъ отношеніи доказываетъ, по мысли о. Лисицына,
 что Алексіевъ уставъ не — студійскій, а сходство второго рода,

1) Тамъ же, 823.

2) Сочинск. № 1136, л. 31.

что названный уставъ — одинаковаго типа съ прочими ктитор-
 скими уставами. Какъ было уже указано, авторъ особенно широко
 сравниваетъ Алексіевъ уставъ съ уставами Евергетидскимъ и
 Дечанскимъ. Последнее наименованіе авторъ прилагаетъ къ
 уставу Императорской Публичной Библіотеки F. n. I. № 93,
 считая его ктиторскимъ уставомъ Дечанской лавры на томъ
 основаніи, что въ концѣ рукописи есть приписка о написаніи ея
 повелѣніемъ прѣлага игумена арѣнна въ мѣстѣ рекомѣ дѣ-
 чани. и роукою многогрѣшнаго дѣврѣте (266): о. Лисицынъ
 считаетъ данный уставъ принадлежащимъ къ «тому смѣшанному
 типу, о которомъ говоритъ проф. Мансветовъ (см. «Церковный
 Уставъ», стр. 265 и 241)». Авторъ преувеличилъ смыслъ выше-
 указанной записи: разсматриваемая рукопись содержитъ просто
 правленную версію сербскаго, именно, Никодимова, перевода
 іерусалимскаго устава и извѣстна была, какъ таковая, проф.
 Мансветову, который упоминаетъ еѣ вмѣстѣ съ другимъ
 іерусалимскимъ уставомъ Императорской Публичной Би-
 біотеки F. n. I. № 26, не указывая №№, на стр. 272
 своего «Устава». Въ виду этого обширнаго сопоставленія Але-
 ксѣева устава съ № 93, сдѣланныя о. Лисицынымъ (265—
 267, 320—334), теряютъ совершенно всякій смыслъ. Что
 касается, далѣе, до перваго вывода, дѣлаемаго о. Лисицы-
 нымъ изъ сходства Алексіева устава съ ктиторскими, то при-
 водимыя имъ основанія нисколько не оправдываютъ такого вы-
 вода. Авторъ признаетъ, что студійскихъ порядковъ въ Але-
 ксѣевомъ уставѣ лишь «нѣсколько больше, чѣмъ въ другихъ (267)»,
 между тѣмъ какъ по собственному (невѣрному, какъ было пока-
 зано) подсчету автора тамъ сравнительно съ 'Υποτύπωσις'омъ
 оказывается 36 сходныхъ и 20 измѣненныхъ правилъ, да кромѣ
 того, тамъ, по сообщенію автора, «студійскіе богослужебные
 порядки» оказываются выраженными въ видѣ цѣлыхъ службъ
 «съ подробнымъ указаніемъ литургическаго строя на каждый
 день (351)», — въ самомъ же богатомъ студійскими обычаями
 ктиторскомъ уставѣ — Евергетидскомъ — ихъ оказывается, по

наблюденію автора, лишь 7 (263—265). Совершенно ясно, что уставъ патріарха Алексія даже съ точки зрѣнія самого о. Лисицына въ данномъ отношеніи стоитъ внѣ сравненія съ прочими ктиторскими уставами. — Второй изъ указанныхъ выводовъ о. Лисицына о ктиторскомъ значеніи устава патріарха Алексія, какъ мы видѣли, не представляетъ ничего новаго. Онъ нуждается лишь въ нѣкоторомъ ограниченіи: данный уставъ старше всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ доселѣ ктиторскихъ уставовъ и, нужно полагать, служилъ для нихъ образцомъ и источникомъ. Напримеръ, уставъ Пандократорскаго монастыря въ Константинополѣ довольно близко къ нему излагаетъ чинъ трапезы¹⁾. Отсюда едва ли справедливо ставить Алексіевъ уставъ въ ряду наравнѣ съ прочими ктиторскими уставами.

Заканчивая свою рѣчь объ уставѣ патріарха Алексія, о. Лисицынъ по поводу приводившагося выше его мѣста объ обязательномъ избраніи игумена изъ числа братіи Алексіевой обители пишетъ: «миѣнія объ изслѣдуемомъ нами уставѣ, какъ о Студійскомъ, высказанныя учеными историками и литургистами (Мансветовымъ, Одинцовымъ, митр. Макаріемъ, Голубинскимъ и др.), въ современной исторической наукѣ должны быть оставлены (355)». Разборъ доказательствъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу своего взгляда на Алексіевъ уставъ, показываетъ, что даже вся эта обширная и сложная аргументація о. Лисицына не въ состояніи оправдать такого заявленія.

Несоотвѣтствіе усвоеннаго о. Лисицынымъ взгляда на Алексіевъ уставъ, какъ на не-студійскій, съ содержаніемъ послѣдняго неминуемо приводитъ автора къ противорѣчіямъ въ сужденіяхъ о немъ. Нѣкоторыя изъ такихъ противорѣчій были уже отмѣчены. Но особенно открыто выступаютъ они, когда о. Лисицынъ приступаетъ къ объясненію извѣстія житія св. Θεодосія о полученіи преподобнымъ изъ Царьграда полного Студійскаго устава. Тотъ фактъ, что преп. Несторъ называетъ

полученный уставъ Студійскимъ, авторъ объясняетъ сравнительно удовлетворительно литургическою неосвѣдомленностью составителя житія, принявшаго за Студійскій — уставъ, лишь содержащій студійскіе обычаи (353). Но совершенно непонятно, какъ могли принять за *полный* Студійскій — уставъ патріарха Алексія, какъ его представляетъ о. Лисицынъ, преп. Θεодосій, искавшій такого устава, и Ефремъ сконецъ, выполнявшій порученіе перваго. Ефремъ до этого заказа жилъ уже продолжительное время въ одномъ изъ константинопольскихъ монастырей, несомнѣнно, имѣлъ возможность наблюдать порядки Студійскаго монастыря и Алексіевой обители: въ высшей степени странно, что на просьбу своего бывшего игумена онъ посылаетъ уставъ, въ которомъ, по наблюденію о. Лисицына, студійскихъ обычаевъ меньше, чѣмъ въ 'Υποτύπωσις'ѣ. Еще страннѣе, что и преп. Θεодосій принимаетъ такой уставъ за Студійскій, когда у него была полнѣйшая возможность это провѣрить чрезъ переводъ 'Υποτύπωσις'а, а также чрезъ студійскаго инока Михаила гречина, снабдившаго его этимъ памятникомъ (164). При объясненіи этого факта о. Лисицынъ не выдерживаетъ своей точки зрѣнія. Раньше онъ говорилъ, что, «сравнивая Алексіевъ уставъ съ записью Студійскаго монастыря (т. е. 'Υποτύπωσις'омъ), мы находимъ какъ сходство въ богослуженіи и нѣкоторыхъ общежительныхъ правилахъ, такъ и много особенностей (236)», что, «имѣя, правда, между собою много общаго», два названные памятника «далеки (?), однако, отъ зависимости другъ отъ друга въ пищѣ, какъ и въ богослуженіи (261)», что «всѣ правила студійскаго характера не могутъ сдѣлать изслѣдуемый нами Уставъ Студійскимъ, такъ какъ они одиночны (349)», при объясненіи же указаннаго извѣстія о. Лисицынъ начинаетъ говорить: «отличіе ея (Алексіевой записи) отъ 'Υποτύπωσις'а заключалось въ томъ, что студійскіе богослужебные порядки были выражены здѣсь не въ видѣ однихъ общихъ формулъ, но въ видѣ цѣлыхъ службъ съ подробнымъ указаніемъ литургическаго строя на каждый день... тамъ были записаны студійскіе богослужебные и обще-

1) А. Дмитриевскій, Описание, I, 664—666.

жительные порядки въ болѣе подробномъ видѣ, чѣмъ въ Ὑποτύπωσις... такимъ образомъ, можно было удовлетворить желаніе преп. Θεοδοσία имѣть болѣе полную запись Студійскаго устава... ни въ какомъ другомъ студійскіе порядки не были такъ тщательно записаны, какъ въ Алексѣевскомъ... Последній «былъ однимъ изъ первыхъ по времени ктиторскихъ тишиконовъ съ полною литургическою и общежительною частью и, несомнѣнно, первымъ въ отношеніи полноты записи студійскихъ порядковъ (351)». Противорѣчія не сглаживаетъ даже и оговорка о. Лисицына: «не было нужды, что въ этой записи было много нестудійскаго, а позаимствовано изъ Великой Церкви и другихъ уставовъ». Дѣло не въ не-студійскихъ элементахъ, а въ томъ, что Алексѣевъ уставъ, по первоначальному заключенію автора, содержащій сравнительно съ Ὑποτύπωσις'омъ меньшее число студійскихъ обычаевъ, да притомъ въ значительной части еще измѣненныхъ, теперь въ этомъ отношеніи оказывается полнѣе его. Одновременно утверждать, что составитель Алексѣева устава «относится къ студійской практикѣ съ полною свободою», именно, что «онъ слѣдуетъ обычаямъ Студійскаго монастыря, *но далеко не вслѣдъ* (курсивъ автора)... измѣняетъ ихъ, сообразно своимъ взглядамъ и условіямъ жизни своего монастыря, и только *иногда* (курсивъ рец.) обычай онъ беретъ въ цѣломъ ихъ видѣ (236)», и что въ Алексѣевомъ уставѣ «студійскіе богослужебные и общежительные порядки записаны «въ болѣе подробномъ видѣ, чѣмъ въ Ὑποτύπωσις'ѣ (351)», невозможно. О. Лисицынъ со своей точки зрѣнія не можетъ говорить даже о болѣе пространномъ изложеніи студійскихъ обычаевъ и правилъ въ Алексѣевомъ уставѣ сравнительно съ Ὑποτύπωσις'омъ, потому что такихъ пространно изложенныхъ правилъ онъ тамъ нашелъ всего лишь 5 (261). Единственное, что онъ можетъ здѣсь признавать, оставаясь послѣдовательнымъ самому себѣ, такъ это лишь то, что изъ запесенныхъ въ Алексѣевъ уставъ въ цѣломъ видѣ студійскихъ обычаевъ часть ихъ, касающаяся болѣе или менѣе общихъ

чертъ богослуженія, проведена составителемъ въ болѣе или менѣе обширномъ рядѣ службъ.

Кромѣ необоснованности въ своихъ главныхъ положеніяхъ, работа о. Лисицына не свободна отъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ недостатковъ, недосмотровъ, промаховъ и т. п. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ отмѣтить большую нетвердость палеографическихъ опредѣленій автора. Такъ, одна и та же рукопись у него, именно, т. н. служебникъ преп. Варлаама Хутынскаго — Московской Синодальной Библіотеки № 604 (Горскій и Невоструевъ, № 343), относится то къ XIV, то къ XII в. (XI, 3 стрк.; 49, — 3 сн.; 69, — 15; 97, — 10), Погодинская тріодъ № 40 — XIII в. у о. Лисицына отнесена къ XIV в., Софійскій стихирарь № 96 — XII в., быть можетъ, даже конца XI в. — тоже къ XIV в., Софійскіе служебники №№ 526 и 519 — XIV и XIII в. — первый къ XII—XIII в., а второй къ XIV в. и т. п. Орбельская тріодъ на стр. 38 въ примѣчаніи 8 названа Сербской. — Далѣе, на стр. 92, въ примѣчаніи 101 подъ названіемъ «великаго мөөимона» о. Лисицынъ приводитъ изъ часослова Императорской Публичной Библіотеки № 57, какъ пѣчто неизвѣстное, монашеское послѣдованіе ночныхъ часовъ, и доселѣ еще почти въ этомъ видѣ печатаемое въ нашей богослужебной псалтири (ср. каноникъ) подъ заглавіемъ: «Чинъ, како подобаетъ пѣти дванадесять псалмовъ особъ», дополненный въ названной рукописи еще рядомъ стихиръ изъ октоиха. — На стр. 102 авторъ пишетъ: «намъ посчастливилось найти дословный переводъ чина» литіи, «греческій подлинникъ котораго находится въ Коаленевскомъ Евхологіи» (Дмитріевскій, Описаніе, II, 1009), и приводитъ выдержки изъ славянскаго требника Московской Синодальной Библіотеки № 675 (Горскій и Невоструевъ, № 371): греческій оригиналъ молитвъ этого чина (Goar, 1 ed., p. 809) съ отмѣткой, что въ славянскомъ переводѣ, кромѣ молитвъ, содержится еще чинъ литіи, указали еще Горскій и Невоструевъ (Описаніе, III, 1, стр. 129). — На стр. 115 авторъ пишетъ о Хлудовскомъ уставѣ

№ 16: «онъ былъ, какъ видно изъ заголовка, списанъ въ 1279 г. ... Климентомъ архіепископомъ Новгородскимъ». Въ фототипическомъ снимкѣ съ этого устава (стр. 10) года въ заголовкѣ не усматривается. — На стр. 220 о. Лисицынъ утверждаетъ: «день перенесенія мощей свв. Θεодора Студита и Іосифа пѣснописца (?) былъ, по Алексѣевскому уставу, рабочимъ днемъ (*наѣють порознь стиноудъ*)». Заключенное въ скобки выраженіе имѣетъ въ Алексѣевомъ уставѣ совершенно противоположное значеніе — полного праздника, т. е., свободы отъ работъ, поклоновъ и часовъ. Затѣмъ, авторъ неточно прилагаетъ къ св. Іосифу, брату св. Θεодора, архіепископу Солунскому, эпитетъ «пѣснописца»: послѣднее названіе обычно прилагается къ св. Іосифу, скевофилаксу Великой Церкви, тѣмъ болѣе что гимнографическіе труды Іосифа Студита пока не извѣстны. На стр. 283, примѣчаніе 6, авторъ дѣлаетъ ссылку на книгу рецензента о Пустной тріоди, гдѣ отмѣчается отсутствіе въ Алексѣевомъ уставѣ стихирь и сѣдальновъ Іосифа. «На этомъ основаніи», продолжаетъ о. Лисицынъ, «г. Карабиновъ дѣлаетъ справедливое заключеніе. «Едва ли возможно, говоритъ онъ, такое отношеніе въ памятникахъ Студійскаго устава къ пѣснопѣніямъ брата св. Θεодора и одного изъ знаменитѣйшихъ студитовъ (Пустная тріодь, стр. 136)». Такимъ образомъ, заключаетъ о. Лисицынъ, «отсутствіе стихирь и сѣдальновъ пр. Іосифа въ Алексѣевскомъ уставѣ косвенно свидѣтельствуетъ, что Алексѣевскій уставъ не есть Студійскій». Между тѣмъ рецензентъ въ указываемомъ о. Лисицынымъ мѣстѣ, какъ разъ наоборотъ, и доказываетъ, что обычно приписываемыя св. Іосифу Студиту тріодныя пѣснопѣнія въ дѣйствительности принадлежатъ св. Іосифу Пѣснописцу. — На стр. 255 о. Лисицынъ приписываетъ ὁποῦτος св. Θεодору Студиту. — На стр. 261 въ примѣчаніи 92 онъ высказываетъ нѣсколько неожиданное для богослова-спеціалиста утвержденіе, что обычай праздновать Пасху въ день воскресный первоначально созданъ въ Римѣ. — На стр. 275 о. Лисицынъ приводитъ по Погодинскому уставу № 284 вы-

писку изъ предписаній¹⁾ на понедѣльникъ первой седмицы 40-цы, содержащихъ между прочимъ выдержку изъ 55-го малаго оглашенія Θεодора Студита²⁾ подъ заглавіемъ *Ἐ οὐστακα Ἐτῆθβα*. При этомъ авторъ не отличаетъ оглашенія Студита отъ сопровождающихъ его поясненій составителя устава (св. Аѳанасія Высотскаго), несмотря на то, что въ текстѣ устава то и другое раздѣлено особой рубрикой о постѣ по уставу св. Горы, а въ концѣ поясненій процитировано и самое оглашеніе съ именемъ св. Θεодора (276). Въ текстѣ послѣдняго читается фраза: *тѣмже и несовершеннѣ прочее ѣ дѣйства пица. но и zelo совершеннѣ по преданномъ оуставу:* о. Лисицынъ, считая это рѣчью составителя, прибавляетъ къ нему анахронистическое поясненіе — «т. е. Студійскому». — На стр. 276—277, въ выдержкѣ изъ того же устава № 284 о времени повечерія въ 40-цу по Студійскому уставу, къ выраженію — *ижеже вѣно-снмъ Ἐцелмъ расудиса* авторъ присоединяетъ произвольное и синтаксически несогласованное поясненіе — «т. е. св. Θεодоромъ Студитомъ».

Представленный разборъ изслѣдованія о. Лисицына не позволяетъ признать его главныя положенія достаточно обоснованными, а научные приемы автора — совершенно безукоризненными. Но этимъ не отрицается за рассматриваемой книгой совершенно всякое значеніе. Въ первой части работы о. Лисицына собранъ довольно значительный матеріалъ, освѣщающій судьбу нѣкоторыхъ обычаевъ и чиновъ Великой Константинопольской Церкви на Руси. Во второй части, какъ было уже указано, авторомъ нѣчто доказано удовлетворительно. Даже горячую борьбу о. Лисицына съ широко распространеннымъ въ наукѣ взглядомъ на Алексѣевъ уставъ, какъ на Студійскій, несмотря на ея неудачный исходъ для автора, можно считать не бесплодной для науки: множество разнообразныхъ возраженій, которое вы-

1) См. ихъ въ старопечатныхъ (до-иконовскихъ) изданіяхъ устава.

2) Творенія, русск. пер., I, 1907, 326.

ставить о. Лисицынъ въ своей книгѣ противъ названнаго взгляда, можетъ послужить отрицательнымъ доказательствомъ справедливости послѣдняго. Книга стоила автору, несомнѣнно, многого труда и значительныхъ матеріальныхъ затратъ. Все это даетъ основаніе не отказывать о. Лисицыну въ правѣ на пѣ-
которое поощреніе.

III.

Отзывъ о сочиненіи П. Л. МАШТАКОВА:

„Списки рѣкъ Днѣпровскаго бассейна“,
составленный академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Авторъ настоящаго труда давно работаетъ надъ историческою географіей Россіи. Привлеченный академикомъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ къ изданію грамотъ Коллегіи Экономіи, П. Л. Маштаковъ заинтересовался обильнымъ географическимъ матеріаломъ, содержащимся въ этихъ грамотахъ. Необходимость приурочить старыя названія къ современнымъ для точнаго опредѣленія мѣстности, къ которой относится тотъ или иной юридическій актъ, побудила П. Л. Маштакова къ подробному ознакомленію съ обширными географическими пособиями, относящимися къ Сѣверной Двинѣ (изданіе грамотъ Коллегіи Экономіи начато съ Архангельскаго уѣзда). За этимъ послѣдовало расширеніе интересовъ П. Л. Маштакова въ той же области исторической географіи: онъ принялся за самостоятельную работу надъ составленіемъ исторической карты древней Руси, ограничивъ на первое время свою задачу эпохой до татарскаго нашествія. Встрѣченныя П. Л. Маштаковымъ затрудненія въ выполненіи этой работы, начатой имъ по строго обдуманной программѣ и въ значительной части уже выполненной, представились ему непреодоли-